ПОГОВОРИ СО МНОЙ

18+

ЮЛИЯ ФЛЁРИ

Юлия Флёри

Поговори со мной

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Флёри Ю.

Поговори со мной / Ю. Флёри — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Раннее разочарование в жизни, её жестокие уроки не сделали из Марины чёрствую, бездушную девушку. Она, как и прежде, умеет доверять, хочет летать и мечтать. Только получив такую возможность, не успела ей насладиться. Короткие встречи и долгие воспоминания о них создали иллюзию, идеал, но встретив этот идеал вновь, будет очень больно каждый раз обжигаться, разочаровываться. Ей будет сложно понять и чем-либо оправдать поступки мужчины, которому она доверила себя, которому подчинилась, но ещё сложнее будет уйти.

© Флёри Ю., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 33
Глава 5 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Пролог

Бывают моменты, когда весь мир против тебя и ты держишься. Всем назло. Потому что иначе и быть не может! А бывает, что весь мир у твоих ног, а ты теряешься в выборе и остаёшься стоять на месте. Навсегда…

Иногда кажется, что вот-вот, последний рывок и всё будет хорошо. Да что там хорошо, хотя бы лучше, чем вчера, ведь хуже уже быть не может. Но не успеешь на секунду закрыть глаза для передышки, как всё в миг меняется, и нет времени размышлять, хуже или лучше… Нужно быстро принимать решение, действовать, выкручиваться, прогибаться под обстоятельства, чтобы они тебя не растоптали, не расплющили по стенке. Нет, не подумайте, я не жалуюсь, не умею. Скорее, хочу рассказать свою историю. Да и не то, чтобы историю, просто рассказать о своей жизни, в которой не было места детским мечтам и розовым очкам. Я просто не успела их одеть.

Школа. Чудное время, когда ты можешь мечтать, вот, наверно, только в школе я это и делала. Только мечтала не о модном платье или плеере, не о принце на белом коне. Я просила у высших сил, в существование которых верю до сих пор, чтобы маме было полегче, чтобы она не валилась с ног от усталости после тяжёлой физической работы. Мама по образованию была учителем, с красным дипломом окончила филологический факультет, преподавала русский язык и литературу. Но когда погиб отец, ей пришлось искать новую работу. То есть, сначала это была подработка, точно не знаю, но мама изредка смеялась, говоря, что она помогает поездам ездить. Наверно, правильно это называлась шпалоукладчица, но мама не любила подобный официоз, оттого и отшучивалась, рассказывая эти сказки на ночь. Это потом я поняла, что в подобной профессии романтики меньше, а, может, и вообще нет. Просто ты устаёшь как собака и не хочешь ни есть, ни разговаривать, только бы тебя до следующего утра никто не трогал.

Моя жизнь после таких событий тоже изменилась – работа по дому, стирка, уборка, готовка – ничего сложного, но всё моё. Разница лишь в том, что когда все отдыхали после уроков и домашнего задания, мне приходилось сидеть у плиты и лишь из окна наблюдать за проходящими мимо школьными годами. Но всё равно казалось, что скоро что-нибудь изменится в лучшую сторону.

Так я думала пока мама не привела в дом своего мужчину, лет на десять старше себя. Валерий Фёдорович не был плохим человеком, просто очень строгим, и мама его беспрекословно слушалась. Ей стало полегче, а моего мнения никто особо и не спрашивал. Так мы прожили ещё три года. Стали небольшой, но настоящей семьёй. Я как раз оканчивала девятый класс, когда поняла, что могу нравиться мальчикам. Не знаю, почему об этом вспомнила, наверно, то время стало переломным моментом в моей жизни.

Я не отбивалась от рук, так же хорошо училась, так же вела домашнее хозяйство, но теперь всё больше хотелось оказаться там, на улице, в кругу друзей и знакомых. Там, где веселье, улыбки, а не старческое ворчание. Вот и срывалась каждый раз как только могла. Быстро влилась в компанию, которой, по не зависящим от меня причинам сторонилась в прежние годы. Я вообще легко нахожу общий язык с людьми, как говорила моя первая учительница, обладаю природным обаянием и могу обольстить кого угодно, было бы только моё на то желание. А после сдачи промежуточных экзаменов, было решено отметить успешно завершённый год. Приглашены были все. Не на дачу, конечно, всё же, особо зажиточных среди нас не было, да и родители многих держали в строгости, вот и договорились встретиться на городском пляже, за мостом, подальше от внешнего мира. Продукты для пикника приносили каждый свои, кто что мог, деньги не собирали, чем меня безумно порадовали. В противном случае от похода с друзьями пришлось бы отказаться: наличных в руках я не держала практически никогда. Ближе к вечеру развели костёр. Кто-то принёс домашнее вино, мальчишки напились, более слабые

спали и кормили комаров, другие топтались от одного дерева к другому, пытаясь унять тошноту и головню боль. Я не пила, поэтому мне и было весело наблюдать за всем происходящим со стороны. И нет ничего удивительного в том, что я первая заметила, как к нашей компании приблизились старшеклассники. Наверно, кто-то своим старшим разболтал, где собираемся, вот они и присоединились, а я и не против.

Сразу стало веселее, теплее, потому что за смехом вечерняя прохлада так остро не ощущалась. Сердце ускорилось, когда я очередной раз встретилась взглядом с Милютиным Андреем. Он нашу школу окончил года два назад, учился в институте. Я не знала в каком, да и не особо было интересно. А вот свой интерес ко мне он скрыть и не пытался. К двенадцати часам наши ряды значительно опустели, многие уже были в отключке, ведь старшеклассники заботливо предложили нам, малолеткам, водку… Чуть позже я даже поняла для чего, но на тот момент не волновалась, всё равно ведь не пила. Да и внимание Андрея было мне приятно. Видный парень из хорошей семьи, планов я на него не имела, как и предпосылок к ним, но заглядывалась при встрече, как любая друга девчонка.

– Скучаешь?

От неожиданного вопроса, да и голоса из-за спины, я дёрнулась и тут же оказалась в тёплых объятиях, надо признаться, оставить свитер дома и идти лишь в платье, было моей ошибкой – замёрзла. А уж когда поняла, чьи это руки так заботливо обхватили плечи с обеих сторон, заволновалась ещё сильнее. От Андрея приятно пахло, он тоже не был пьян, чем порадовал, да и вообще, казался нереальным, словно из другого, неведомого мне мира, мира взрослой жизни. Кое-как выкарабкавшись и присев на бревно в исходное положение, я, наконец, смогла улыбнуться и ответить.

– Не то, что бы. Просто мне уже пора, а решиться никак не могу.

– Решиться на что? – С вызовом бросил он мне, красиво изогнул бровь, а я и растаяла, засияла улыбкой.

– Ни на что. Просто здесь хорошо, а дома скучно, идти не хочется.

– Так, оставайся. – С лёгкостью решил он мою дилемму, но я отрицательно покачала головой.

– Не могу, я обещала вернуться.

Отказывалась, а самой интересно было, как всё могло бы закончиться, если бы… Тайком рассматривала его. Черты лица, силуэт, он уже брился и выглядел совсем по-взрослому. Смотрел на огонь и лишь изредка на меня, расслабленный, улыбчивый.

– Ну, раз обещала. – Пожал он плечами и поднялся, подавая мне руку. – Пошли, провожу.

И мы пошли. И вот в тот вечер, в ту ночь я мечтала по-настоящему, о любви, о свадьбе, о детях… В ту ночь мечтала первый и последний раз на ближайшие четыре года. Не буду долго размусоливать… Андрей меня изнасиловал. Я не сразу заметила, что идём мы не к мосту, а в противоположную от него сторону, и даже когда заметила, не испугалась, только уточнила, не заблудимся ли. Андрей сказал, что всё в порядке, а потом, когда ушли достаточно далеко, без лишних разговоров набросился. Не избивал, не издевался, просто обездвижил, опрокинул на землю, задрал платье и, разорвав бельё, изнасиловал. Не скажу, что чувствовала себя грязно, мерзко, я себя вообще никак не чувствовала. Полнейшая темнота и пустота. Меня никто и никогда не обижал, потому и как реагировать не знала. Он ничего не говорил, не угрожал, не предупреждал, чтобы молчала. Как только кончил, сразу встал, застегнул джинсы и, оставив меня на земле, ушёл.

Я не сразу поняла, что уже всё, что больше ничего не будет. Продолжала лежать, лишь платье обтянула, прикрывая поцарапанные о колючую иглицу ноги. Потом, наверно, плакала, я не помню… Потом просто сидела, не зная, что делать дальше, как посмотреть ему в глаза, ведь ни он, ни я, никуда не исчезнем. Почему-то не думала в тот момент, что стыдно должно

быть Андрею. И, как бы не ненавидела фразу: «Отряхнулась, как курочка. и пошла дальше», но именно так всё и выглядело со стороны.

Маме ничего рассказывать не стала – ей незачем волноваться. Синяки на запястьях скрыла длинными рукавами и хотела забыть о том, что произошло, как о страшном сне, но не получилось: беременность наступила пусть и неожиданно, но вполне закономерно. Кто-то может сказать, что этого следовало ожидать, не маленькая уже, а у меня просто не было денег на таблетки для контрацепции. Стоили они немало, а такие траты для нашей семьи всегда рассматривались словно под прицелом.

Испуг, паника? Да, наверно, это именно то, что я испытала в тот момент. Растерялась, не знала, что делать, я ещё в школе учусь и тут, на тебе, подарочек. Глупость, конечно, но первым делом именно к Андрею пошла, а, собственно, к кому ещё? Он в квартире был один, улыбнулся мне как и тогда вечером, приобнял, поцеловал в щёку, успел предложить чай. А вот я концерт ломать не стала, сразу рассказала зачем пришла. Не знаю, какой реакции ждала, вообще об этом не подумала, просто поставила его в известность, а он не проникся. Как сейчас помню: я сидела за столом на кухне, а он подпирал дверной косяк. Услышав «радостную» новость, простенько пожал плечами, у него вообще всё в жизни было просто, пожевал губами, а потом посмотрел мне в глаза и сказал:

– Ну и что?

И в этот момент я почувствовала, как что-но внутри надорвалось, затрещало и лопнуло. Наверно, это была надежда. Именно она…

– Ничего. – Ответила твёрдо и ушла.

Он даже дверь не пошёл мне открывать, так и стоял в проходе. Кто-то скажет, что должна была пояснить, что беременна от него, только вот в глазах напротив я увидела что-то такое, что заставило меня промолчать. Безразличие. Ему действительно было всё равно. А когда человеку всё равно, спорить с ним бесполезно. Его родителей я знала хорошо, особенно маму, разведай она о таком событии, не стала бы нюни разводить, тут же отвела к врачу и аборт оплатила, а я так не хотела. Вообще никак не хотела.

Думаю, не стоит в подробностях пояснять, что дома был грандиозный скандал. Особенно старалась мама. За один вечер я от шалавы малолетней превратилась в проститутку и далее по наклонной. Она кричала, била меня ладонями по лицу, требовала назвать имя. Понятно, что Андрея я даже не упомянула, молчала как партизан на допросе. Опять же… бессмысленно всё это было. Тогда заступился Валерий Фёдорович, сказал, что прокормит и меня, и ребёнка. Вот от него подобного не ожидала, честно, и мама успокоилась. На самом деле, она не всегда была такая, до смерти отца я вообще не помню, чтобы ругалась или била меня. Тяжёлая жизнь меняет людей, вот она и сломалась, поддалась. А я поддаваться не хотела.

В школу на будущий год не пошла, хотя мама меня и отговаривала, только висеть у неё на шее не собиралась, ладно сама, а тут ведь ещё и ребёнок. Поступила в педагогическое училище, по окончании должна была стать учителем начальных классов. Не самая привлекательная профессия, но в другой сфере я себя не видела. Три года пролетели незаметно, для меня так точно, головы не успевала поднимать. Опять же, маму напрягать не хотела, поэтому и сына, которого, как это не парадоксально, тоже назвала Андреем, смотрела сама. В яслях он приживался плохо, я старалась забрать его пораньше. Больше на пикники не ходила. Не хотелось. Честно.

Валерий Фёдорович умер когда я ещё не успела окончить училище. Он, как оказалось, давно болел, только никого расстраивать не хотел, и тогда мама сломалась окончательно. Меня не признавала, внука лишний раз к себе не подпускала. И, естественно, работать учительницей я не пошла. Тогда снова повезло, как раз распределения на всех не хватило. А работать устроилась официанткой. За беготню с подносом платили раза в три больше, чем в школе, да и чаевые перепадали.

Когда Андрея перевели в старшую группу и свободного времени стало больше, на полставки подрабатывала посудомойкой. Так и жили. Мама со временем становилась всё раздражительнее, на меня и смотреть не хотела. Думаю, это у неё что-то нервное. Но с удовольствием сидела с Андрюшей по выходным, бывало, и в парк его водила. Хотя я бы назвала такое общение, как «она нас терпела».

Мама никогда ничего не говорила, но с её взглядом и говорить не было нужды. Я на заочное отделение в педагогический институт поступила, выбрала инъяз, к языкам у меня всегда были способности. Работала, училась, любила своего сына. С Милютиным мы больше не виделись и, тут уже не знаю почему, но ходили слухи, что он в другой город перевёлся.

Глава 1

– Мариш, сегодня зарплата, зайди к шефу. – Шепнула Света – моя сменщица.

– Иду.

Наш шеф, Дмитрий Геннадьевич Збруев, мужчина был видный, но профессиональную дистанцию держал всегда. До сих пор благодарна, что он тогда выручил, работу дал. Понимаю, что руководствовался исключительно собственной выгодой: у меня внешние данные такие, что клиент щедрый идёт, а ему и выгодно, чтобы те, глядя на девочек, напивались и наедались, демонстрируя возможности, но благодарность моя от этого меньше не становится. Зарплату он выдавал в белых конвертах, даже в то время все понимали, что это означает, но и не смущал сей факт никого – на пенсию в наше время мало кто надеялся, вот и ходили к нему в кабинет по одному в назначенный день.

Было уже поздно, часов десять, час до закрытия. Будний день, клиентов не много, я как раз на посуде стояла. Пока домывала, задержалась, но и бросать дело на полпути в привычке не держала, поэтому и упустила момент, пришла не совсем вовремя.

– Дмитрий Геннадьевич, можно?

Я постучала. Я всегда стучала, даже когда знала, что меня ждут, сегодняшний вечер не стал исключением. Только когда вошла, поняла, что совсем уж лишняя в этом кабинете. Хотя нет, не так, в первый момент я столкнулась с молодым человеком, но уже потом, вспоминая эту встречу, признала, что это, скорее, был молодой мужчина, не иначе. Так вот, он так посмотрел на меня, что жар мгновенно бросился в лицо. Он смотрел откровенно, открыто, словно раздел взглядом и наслаждался увиденным. Я поняла, что помешала, когда за незнакомцем разглядела напряжённого Дмитрия Геннадьевича.

– Мне позже зайти? – Спросила невозмутимо.

– Лучше завтра. – Кивнул он и на этом мучения мои закончились.

Не скажу, что за время работы в кафе не сталкивалась с подобными типами… Наглыми, дерзкими. Бывало и такое, что на стол меня усаживали, но охрана работала хорошо, а шеф перед дорогими гостями прикрывал, свою голову подставляя. Ему тоже лишние проблемы не нужны были, да и за своих подчинённых всегда горой. Но этого «типом» я не могла назвать даже будучи злой, раздражительной и с ПМС. Не могу словами описать разницу между своим восприятием тех и других, но было именно так. В тот вечер больше ничего экстраординарного не случилось, а вот на следующий день нам пришлось встретиться вновь.

– Мариш, твой столик. – Кивнула напарница.

Я ещё и обедать сесть не успела, только порцию поставила перед собой (ещё один плюс нашего кафе – бесплатные обеды). Обычно в такие моменты мы друг друга прикрываем и клиентов без проблем отдаём. Сегодня был явно не такой день. Переспрашивать, почему напарница так сделала, не стала, не конфликтный человек, да и потом пообедать можно, сегодня не было наплыва посетителей. Вышла в зал, нацепила дежурную улыбку, такую, чтобы и не вульгарная, и не тусклая, тут ведь тоже масса вариантов. Уж кому, что нужно: если богатого клиента подцепить, то улыбка должна быть призывной, если настроения нет, то хотя бы вежливой, я же, всегда пользовалась «дежурной», чтобы никого не выделять. И улыбку мою не смог сбить даже взгляд молодого мужчины, с которым, не далее как вчера, я встретилась в кабинете у шефа.

– Добрый вечер, что будете заказывать?

Сменщица уже дала меню, но, я так поняла, мужчина к нему и не притронулся, а взгляд его говорил, что меня ждёт. Не то, чтобы я специалист по читанию взглядов, скорее, это сам мужчина настолько выразительно подавал им сигналы, что перепутать с чем-либо мог только слепой.

– Добрый вечер. – Мягко улыбнулся он мне в ответ.

Именно мягко, не иначе. Вчера его улыбка была другой, более тяжёлой, что ли, многообещающей (не мне она обещала – Геннадьевичу), а сегодня он был совсем другим, и опасения я рядом с ним не испытывала, хотя шестое чувство и подсказывало, что зря.

– Вы определились с заказом?

– А можно не из меню? – Я выжидающе посмотрела и он продолжил. – У вас здесь всё культурно называется, я немного растерялся, – улыбался он, подтянул папку меню к себе ближе, полистал, – я бы заказал просто кусок хорошо прожаренного мяса, салат из овощей и картофельное пюре. Такое возможно?

– Конечно. Будете что-нибудь пить?

– Я за рулём. – Притворно вздохнул он, а я сделала вид, что пожалела. – Так что давайте чай. Чёрный.

– Хорошо. Это всё?

Никаких лишних эмоций, хотя его поведение можно было назвать соблазняющим. Им смотрел он настойчиво, хотел, чтобы я ответила тем же, спровоцировала, и в глаза заглядывал. Только мне ничего такого нужно, вот я и оставалась как всегда непреступна.

– Нет. – Жёстко ответил он и я испуганно посмотрела, забыв про блокнот и ручку, улыбка с лица моего пропала и он понял это, поэтому более спокойно, не так настойчиво, добавил: – Не всё. Мне кажется… Марина, – глянул на бейдж, но я была уверена, что и тогда знал моё имя без подсказок, – я напугал вас вчера, не хотелось бы портить впечатление.

Он кивнул, указывая на соседний столик, который стоял чуть в тени, а там корзина цветов. Разных, но красивых, этакий идеальный букет.

– Это вам.

– Спасибо, не стоило, вы меня не напугали. Это лишнее. – Букет, конечно был безумно красивый, не у бабок под магазином купленный, но я принципиально не принимала ни цветов, ни подарков. – Я не возьму. Лучше подарите своей девушке.

– А у меня нет девушки. – Спокойно, без тени обиды или расстройства от моего отказа в голосе ответил он. – Я не настаиваю, чтобы вы забирали его сейчас, но если заберёте с собой после смены, мне будет приятно.

– Спасибо. – Кивнула я и ушла.

За что благодарила, сказать сложно, скорее, за то, что не стал настаивать, как делали другие. Но при этом отчётливо понимала, что он просто зашёл с другой стороны.

Больше никаких намёков не делал, расплатился по счёту, разве что чаевых оставил больше, чем нужно, но вот от такого я не отказывалась. Не считаю это подачкой, для меня чаевые – эта благодарность за труд и уют, который создан для клиента, и каждый сам решает, в какую сумму этот труд оценить. Цветы забирать не стала, но поставила в нашей подсобке на видном месте. Девочки оценили и активно подмигивали, мол, поклонник появился.

Но поклонник как появился, так и исчез, а вскоре началась сессия, и только через несколько месяцев, в августе, мы встретились вновь.

– Марина, твой столик.

На этот раз я успела начать обед, да и на смене была Света, а уж та не привыкла терять клиентов, даже самого занюханного студента, который считает копейки, не упустит.

– Свет, будь человеком, уже четыре, а я с утра ничего не ела. – Попыталась отказаться, но Света округлила глаза.

– Марина, это к тебе. Я предложила, но парень отказался. – Сделала она страшные глаза, словно какие-то парни именно ко мне, это норма.

– Что за парень?

Она нахмурилась, огляделась по сторонам.

– Не знаю, но последнее время часто стал появляться, тебя спрашивал, сказал, как появишься, ему позвонить.

– И ты позвонила? – Я и испугалась, и возмутилась, но не обиделась, скорее всего, просто не ожидала.

– Дура, что ли?! Я свахой не нанималась! Он же не только ко мне подкатывал, вот кто-то и сболтнул. Только ты сейчас иди, мне он не понравился. Недовольный такой, взглядом стрелы огненные мечет.

Возмущайся, не возмущайся, а идти всё раВно пришлось, я и пошла. Честно, даже не удивилась, увидев знакомое лицо, но непроизвольно улыбка моя перешла грань дежурной и теперь была более приветливой. Мужчина тоже отреагировал мгновенно, уловив изменения в моём настроении, улыбнулся в ответ.

– А я без вас скучал. – Без лишних охов-вздохов оповестил он и я увидела за тем же столиком, что и в прошлый раз, букет.

Дотронуться до меня или сделать ещё что-нибудь, что могло напугать, не пытался, чем буквально обезоружил. С такой интеллигентной, выдержанной настойчивостью, я прежде не сталкивалась, оттого и как отреагировать не знала, да и слов никаких не нашла.

– Добрый день. – Вследствие отсутствия нужных слов кивнула я, вооружилась блокнотом и ручкой. – Что будете заказывать?

– А можно как в прошлый раз?

– Мясо, салат, пюре и… Чай? – Глянула поверх блокнота и сквозь землю пожелала провалиться в это мгновение.

– Ты всё-таки помнишь? – Хитро прищурился он. Я так и поняла, что проверял, так же заметила, как с ходу перешёл на «ты», но при этом продолжала держать дистанцию.

– Это моя работа.

Я тоже начала улыбаться как дура. Клинит меня, что ли? Не могу объяснить, но когда он разговаривает, хочется улыбаться.

В отличие от навязчивых клиентов, он не дёргал за передник, за многострадальную короткую юбку, не делал пошлых намёков и не подмигивал каждый раз, завидев меня на другом конце обеденного зала. Разговаривал только если я сама подойду. Тарелку, там, сменить, или наоборот, приборы поднести. И общаться с ним было приятно. Именно разговаривать, отвечать на незамысловатые вопросы, улыбаться в ответ на шутки, чувствовать, как провожает взглядом. Но вот именно со взглядом было сложнее. Цепкий, пронзительный, он не позволял отвернуться, не позволял его проигнорировать, и в этом плане мужчина был настойчив. И так во время всего обеда. Поэтому, когда клиент уже рассчитывался, вопросу я не удивилась.

– Мариш, – ласково обратил он на себя моё внимание, не скажу, что мне это не понравилось, но насторожило точно, – не запустишь в меня подносом, если спрошу во сколько заканчиваешь?

Я замерла, в ту же секунду ожидала подвоха. Но его не последовало, как и ещё через несколько секунд, поэтому позволила себе расслабиться.

– Не запущу. – Ответила тихо, но взгляд не подняла.

Он недовольно покряхтел, как я поняла, ожидал ужимок и флирта, а тут не срослось.

– Так, во сколько заканчиваешь?

– Конец смены совпадает со временем закрытия кафе.

– Поздно. – Пожал он плечами. – Небось, от провожатых отбоя нет?

Куда клонит я отчётливо понимала, но и дерзить не смела: не в моих правилах отвечать людям вызывающе, тем более мужчинам, тем более клиентам. Не могла швырнуть салфетку на стол и вильнуть хвостом, поэтому терпеливо ждала, пока его терпение подойдёт к концу и он меня отпустит. Просчиталась.

– Я предпочитаю добираться до дома самостоятельно. – Ответила уклончиво.

– И не страшно? Такой красивой и такой беззащитной?

– У каждого свои вкусы.

Не могла дождаться, когда же он созреет для предложения к которому всё и идёт, переминалась с ноги на ногу, а вот мужчина не спешил, внимательно меня изучал.

– Понятно… – Потянул задумчиво. – Удачной смены, красавица.

После этих слов подвинул расчётник к краю стола и вышел. Почему-то я почувствовала себя дурой в ещё большей степени. Губу раскатала… такие как он не смотрят на официанток вроде меня. И пусть внешность смазливая, глаза большие и грустные, а так же правильной формы фигура с выпуклостями в нужном месте у меня есть. Только вот умения общаться с мужчинами не досталось, да и желания тоже. Глянула в витринное окно. Хмыкнула: конечно, на дорогой машине… Газанул с места и через секунду его и след простыл. А я тут мучаюсь, размышляю, как вежливее его отшить.

– Эй, чего застыла? Что этот от тебя хотел?

– Ничего не хотел, зашёл пообедать.

Света посмотрела на меня как на недалёкую, присвистнула, от некрасивого жеста пальцем у виска отказалась, но я его прочла во взгляде.

– Тогда я Альберт Эйнштейн. Познакомиться он хотел. – Выразительно кивнула, окидывая взглядом мою фигуру, к которой и сама была неравнодушно. Завидовала, говорила, что жизнь несправедлива и её обделили. – Как, кстати, удачно?

– Что?

– Познакомился, говорю, удачно? Вон, пять минут как вкопанная стоишь, вслед ему смотришь. Что сказал-то?

– Да ничего не сказал. Пожелал удачной смены и уехал.

– И всё? И даже телефончик не спросил?

– А должен был?

– Гхм-гхм… по крайней мере, мог бы. Странная ты. – Добавила Света под конец, понимая, что на разговор никого не разведёт. Постояла ещё с минуту, на меня посмотрела, вздохнула погромче, так, чтобы меня на жалость пробило, протёрла столик, словно только для этого здесь и стояла, и ушла.

А вот смена прошла на удивление легко. И даже наплыв посетителей не испортил впечатление. Улыбка не сходила с лица, и я буквально танцевала между столиков. Только что танец мой был как и у Золушки, с набором грязной посуды. Вечером, как обычно, пока выручку подбили, пока убрали всё, в час уже освободились.

Улица обдавала приятной вечерней прохладой, а хорошее настроение позволяло никуда не спешить. Я даже испугаться не успела, когда шаги позади себя услышала. Обернулась и рот от удивления открыла: снова он и снова с цветами. Некоторое время так и стояли: он с букетом в руках, я с открытым ртом и немного вздёрнутой вверх сумкой, вроде как для обороны.

– Испугалась? – Мягко засмеялся, сдерживая эмоции.

Букет мне в руки всунул, приобнял за плечи и в нужную сторону развернул, вроде как рядом пристраиваясь. Мы так несколько шагов вместе сделали и только потом ко мне дар речи вернулся, да и мозги на нужное место встали. Я руку его тогда резким движением плеч сбросила, а он и не противился, даже в сторону отошёл, но шаг в шаг держался.

– Меня Марат зовут. – Сказал через какое-то время и я дёрнулась, словно впервые его увидела.

Остановилась резко, вправо метнулась, влево, по сторонам огляделась, заправила волосы за ухо, вопросительно на него посмотрела, но этот вопрос в глазах ничего не дал. Попыталась что-то сказать, а во рту пересохло. Он за всеми этими жалким попытками наблюдал со стороны, но не добивал, не прерывал, смотрел с интересом, забавляясь такой на него реакцией. Я губы пересохшие облизала, поняла, что мне что-то мешает, увидела в руках букет и испугалась ещё больше. Тут же цветы вернула.

– Очень приятно, Марат, только не нужно ничего. Спасибо и за цветы, и за то, что проводить решил, только…

– Эй-ей, не так быстро.

Он ускорился, стал впереди меня, перекрывая дорогу, внимательно смотрел в глаза.

– Ты не поняла. Это не: «О-о-о – цветы!» – При этом боевом кличе он закатил глаза и широко махал руками, словно пчёл гоняет этим букетом. Со стороны смотрелось забавно. – Это просто цветы. И я, не подумай, не провожаю тебя, ни в коем случае. Мы просто рядом идём.

Шутовски оглянулся по сторонам, с опаской присмотрелся ко мне и на грани слышимости, приставив ко рту ладонь, словно скрываясь от посторонних ушей на пустынном проспекте, спросил:

– Ты ведь не выкупила эту улицу, нет?

Что тут сказать, он забавный, особенно для меня, не искушённой мужским вниманием дурочки. И как только Марат понял, что его трюки работают, начал действовать более свободно. Я, как сейчас понимаю, хорошо ухватила наживку и, едва ли не впервые в своей жизни, поняла, что такое флирт. Естественно моё серьёзное лицо и решительное намерение пройти дальше не возымело должного успеха, и, естественно, он уверенно шагал спиной назад всё так же, идя передо мной. А мне всё сложнее удавалось сдерживать предательскую улыбку. Губы расходились, растягивались в стороны и только закусывая, их удавалось удержать, хотя, я понимала, что и это действие не менее вызывающее с моей стороны. А самое главное, так это то, что я отчётливо понимала: он мне нравится. Очень.

На моей памяти было много мужчин (клиентов в кафе, которые подбивали клинья), были и молодые, и красивые, и состоятельные, на мой вкус, разумеется. Но вот так, чтобы я хотела продолжения банкета, прогоняла взглядом, а сама с замиранием сердца ждала, чтобы он остался, сказал ещё что-нибудь, вот этого не было. И мне нравились эти ощущения. Когда щекотит внизу живота от предвкушения, когда все мышцы напрягаются, чтобы запомнить, уловить момент особого, приятного, тянущего, щемящего чувства. Я смотрела на Марата, мужчину, который мог бы попробовать меня купить. Уверена, такая возможность у него была. Смотрела и сияла. Хотя бы оттого, что он не действует как все, ищет подход. Сейчас, конечно, всё знаю, а тогда, молодо-зелено, всё впервые, всё узнаёшь и теряешься от этих чувств и эмоций. Марат уже свободно шёл рядом, иногда вприпрыжку, если я ускорялась, иногда обгонял меня и заглядывал в лицо, но не дотрагивался, даже не пытался.

– Ты не хочешь со мной поговорить, нет?

– А должна?

В душе ликовала: он говорит со мной, снова! Балдею, когда слышу его голос, мужской, низкий, режущий по нервам своей лёгкой хрипотцой. И дыхание в эти моменты сбивается, но это так, первые чувства, первые впечатления.

– Не знаю, мне бы хотелось с тобой поговорить.

– Ты сам сказал, что не провожаешь меня, а просто идёшь по своим делам.

Марат резко остановился и я врезалась в него. Божественное ощущение. Горячее, жёсткое тело, о которое и разбиться можно. И руки, которые автоматически обхватили меня, ощущать на себе приятно, но я ведь вся такая недотрога и ему это, по-видимому, нравится, и мы оба начинаем играть в эту игру под названием «кто кого».

– Я ведь ещё могу забрать свои слова обратно? – Уточнил он с надеждой.

Строго покачав головой, я отступила на шаг назад, словно увидела его в новом света. «Да», – хмыкнул мой сарказм на задворках сознания – «ты увидела его в свете уличного фонаря». Увидела и не смогла отрицать, будто то, что вижу, приводило в неописуемый восторг.

Красивый, ухоженный, с лёгкой небритостью, которая ни капельки его не портит. Тёмные, слегка вьющиеся на концах волосы, лоб высокий, нос ровный. Статный, спортивного тело-

сложения, которое удачно подчёркивал дорогой одеждой. Я вообще не специалист-портретист и красиво говорить не умею, но он был просто такой, какой мне мог бы понравиться. То есть он уже нравился, и не только внешне. Мне нравилась его манера держать себя, манера говорить, его подход… когда не поймёшь, он говорит серьёзно или шутит. Полюбовалась, глупо поулыбалась и обошла стороной.

– Ты разбиваешь мне сердце. – Услышала вслед, но не обернулась, пусть и очень хотела. И губу закусила до боли, потому что понимала, что с моей нерешительностью его надолго не хватит. Снова ошиблась.

– Нет, ну, это просто невозможно. Всё!

Марат обогнал, не давая мне пройти, ловил взгляд, руками очерчивал границы дозволенного, пока я не смирилась и не перестала искать пути к отступлению.

– Сдаюсь. Ты мне нравишься. И я не мимо прохожу, а хочу проводить тебя до дома. Я беспокоюсь, потому что это нормально: беспокоиться за девушку, которая тебе интересна. Я бросил машину у ресторана и теперь не знаю, как добраться назад, но ты ведь не оставишь меня в таком безвыходном положении?

Жалко мне его не было и в пламенную речь я не поверила ни на минуту, но сам по себе факт ухаживания мне льстил, особенно от такого мужчины. Да я даже с парнями толком не встречалась, а тут вдруг…

– Нет.

– Что нет? – Обрадовался он, подходя ближе.

– Не натурально сыграл отчаяние. Мы идём по прямой дороге и, вернувшись назад, ты легко найдёшь свою машину. Что-то мне подсказывает, что ты очень хорошо знаешь город, да и подкараулил не у кафе, а в переулке далековато от него. Сейчас идёшь по дороге и, не глядя, обходишь все давнишние ямы и лужи.

– Всё? – Уточнил спокойно.

– Не знаю, наверно, да.

– Тогда раскусила. – Притворно вздохнул он, но я не сомневалась, что сам хотел показать это притворство, иначе я бы его не распознала. – Но ты такая непреступная, что я даже не знаю, чем тебя привлечь. Не подскажешь, раз уж такой следопыт?

– К сожалению, я не имею опыта в обольщении самой себя.

– Зато ты опытная сердцеедка. Ну же, Марина, поговори со мной. Мне нравится, как звучит твой голос.

Я смутилась, очередной раз убеждаясь, что не умею принимать комплименты и вообще очень самокритичный человек. И, даже зная, что выгляжу хорошо, всегда боюсь опозориться, сделать что-нибудь нелепое и неуместное. Что тут скажешь… аутотренинга явно не хватает. Потому и засмущалась. Радовал только тот фат, что в темноте ночи, Марат этого не разглядит. Хотя он понял это и без света, лишь глянув на меня, на то, как я зажалась, как отвела взгляд.

– Марат, мне домой пора, правда, а ты задерживаешь. – Никакой реакции. – Пожалуйста.

– С условием, что я могу тебя проводить.

– Хорошо.

Сначала согласилась и только потом поняла, что сказала. Спину выпрямила, дыхание задержала, а он сияет, как начищенный медный самовар. Тут же обнял меня за талию. Достаточно крепко, уверенно, заранее зная, что не стану сопротивляться. И нет больше той лёгкости, теперь он прёт как танк, и существует два мнения: неверное и его. Рядом с Маратом было тепло, было уютно, если, конечно, не считать того факта, что я вздохнуть лишний раз боялась. Также, мне казалось, что он слышит каждый удар моего сумасшедшего сердца, которое сегодня явно намеревается сдать нормы ГТО.

– Марин, выдыхай, иначе до дома сегодня ты точно не дойдёшь. Для меня это, конечно, хорошо, я смогу безнаказанно прижимать тебя к себе ближе, нести на руках и всё такое, но ведь в итоге ты останешься недовольна, не так ли?

– Не так. – Капризно выдохнула я, но на самом деле злилась, что он всё чувствует, что он всё понимает, а ещё мне хотелось, чтобы эти шуточные угрозы превратились в жизнь. Мне нравились его объятия, и его запах, и его дыхание рядом. Наверно, во время влюблённости всегда так, словно в сказку попал.

– А как?

– Ты заставляешь меня волноваться и мне это не нравится.

– А ты заставляешь меня волноваться и мне это нравится. Безумно. – Добавил с придыханием, чем добил окончательно.

В этот момент настолько приблизился своим лицом к моему, что, казалось, и воздуха мало, и Марата слишком много, и что он, словно что-то мягкое, тёплое и вязкое, обволакивает меня, заставляет довериться, совершать глупости и ошибки. А я боялась ошибок. И ещё больше боялась, что всё закончиться так же прозаично, как и в предыдущий раз, когда я позволила себе мечтать.

Просто шквал, буря эмоций, только я не успела ими насладиться, как и его близостью, его обществом. Едва пересилив себя и оторвав взгляд от магнетических глаз, поняла, что уже практически дома. Тусклый свет окон второго этажа вяло приветствовал, а значит, мамы уже нет – час назад ушла на смену, а Андрей один и нужно спешить. Ловко выкрутившись из кольца рук, которые непонятным образом оказались вокруг меня, отступила на шаг.

– Только не сначала. – Покачал головой он и вот теперь трагедия в глазах была настоящей. Бессмысленная игра слов пыталась склеить ту иллюзию сказки, которая так неожиданно пропала.

– Мы пришли. – Пояснила и кивнула головой в сторону окон.

– Так, ты здесь живёшь? – Марат нахмурился, окидывая невесёлым взглядом облезлый фасад здания.

– Да, но мне нужно идти.

– Ты не идёшь, ты сбегаешь. – Грустно улыбнулся он, пытаясь поймать кончики моих пальцев.

– Я не могу остаться.

– А хочешь?

– Мне пора.

– Ты не ответила ни на один вопрос.

– Не сегодня.

– Когда? – Жёсткой ухватился он за мои слова и в глазах загорелся странный лихорадочный блеск, а я и не знаю, что сказать. Не собиралась, но иначе он уже не отпустит, а, скорее всего, я и сама не захочу уходить, поэтому, набрав в лёгкие побольше воздуха, судорожно размышляла, что ему ответить, могу ли я обещать.

– Завтра?

– Х-м… Ты у меня спрашиваешь?

– Я не знаю…

– Завтра буду ждать тебя в том дворе.

Марат кивнул головой на соседнюю площадку, которая была смежной с нашей, мгновенно приблизился, дотронулся своей щекой до моей и тут же отстранился, словно боялся, что оттолкну.

– До завтра, красавица.

– Пока.

Быстро проговорила и вихрем умчалась в свой подъезд, потому что от его слов сердце выпрыгивало из груди, а щёки горели лихорадочным румянцем. Я наверно за всю жизнь так не краснела, как за сегодняшний день. И краснеть вообще не является моей особенностью, только с ним иначе не получается. И мне важно, что он скажет и что подумает обо мне. И на тот момент я искренне верила, что Марату нужен не только секс, о котором каждый раз напоминает наш повар Михалыч, так и говорит: «секс, секс и ещё раз секс, потому как вы – бабы, ни на что другое не годны». Говорит он это, разумеется, шуткой, но мы со Светой давно поняли, что эта шутка имеет вполне себе реальное отображение в жизни.

В квартиру забежала и отдышаться не могла. Сразу же посмотрела, всё ли в порядке у сынишки, этот час, когда мама уже ушла, а я ещё не вернулась, был самым тяжёлым для меня: сердце в пятки уходило, пока добегала до дома. Только сегодня, не скрою, о другом думала. Наверно, я плохая мать, но вот, честно, не вспоминала. Поправила тонкое одеяльце, пригладила распушившиеся на подушке волосы, Андрюша недовольно покряхтел, но не проснулся. Только тогда я смогла спокойно принять душ, поужинать, потому что еда на ночь мне не грозила ни полнотой, ни несварением, и легла спать, опять же, улыбаясь. Только уснуть долго не могла. Вспоминала, что он сказал мне, правильно ли я отреагировала на подобное, наверно, только на рассвете и смогла успокоиться. А с утра, когда проспала, вспоминать об этом времени не было, всё на бегу, на лет. Сонного сына завернула в ещё не разглаженную рубашку, натянула кое-как колготы, удивительно, что не задом наперёд. Влила в моего маленького чай и поскакала в садик. Отдала малыша из рук на руки, а потом, как удар в голову: мысль о вчерашнем обещании. Поняла, что мы не оговорили время и, тем самым, я могу отступить, не прийти, но меня словно вторая я, сильная, смелая, тянула на место встречи.

Глава 2

Мощную мужскую фигуру я узнала издалека. Напряжённый разворот, сигарета в руке, которая, то и дело, приближается ко рту, а после из него выходит плотная пелена дыма. Марат стоял в десяти шагах от детской площадки. Со стороны было видно как он щурится, глядя на входные двери моего подъезда, а когда резким движением окурок полетел аккурат в урну, моя решительность поубавилась, а второе «я», трусливо спряталось и не издавало ни звука. Он неожиданно повернулся и взглянул прямо на меня, и тут же дыхание спёрло. В то утро Марат выглядел иначе. Вечером вообще всё кажется менее реальным, а утро настоящее, поэтому его никто и не любит. Вот и Марат сейчас был реальным, даже слишком. Черты лица заострены, взгляд тяжёлый, хмурый, губы плотно сомкнуты и слегка перекошены на левую сторону. Словно он улыбнуться хочет, а ничего не выходит. По лбу залегла глубокая морщина – вчера её не было. Одна рука в кармане широких летних брюк, другая… другой явно не хватает выброшенной сигареты и в подтверждение моих мыслей, он тут же потянулся за пачкой, которая всё это время лежала на беседке. И ведь не забрал никто! Хотя я бы тоже не рискнула.

Пока он прикуривал, зрительный контакт пропал и я смогла выдохнуть, ступор спал, наступил полный релакс, и оставшиеся несколько шагов я прошла медленно, точно подкрадываясь. Марат на меня не смотрел, намеренно, уж не знаю, о чём думал, но его жесты мне не нравились. Нервные, рваные, вот-вот и он не сдержит себя, выпустит внутреннего зверя. Жёсткий. Именно это слово пришло на ум, когда мы встретились взглядами. Он весь был жёсткий, даже волосы казались вздыбленными от напряжения. Взгляд тёмных глаз исподлобья, затянулся поглубже, дым выпустил в сторону, не начиная разговора. Потом сам себе улыбнулся одним уголком губ и посмотрел на меня как и вчера, со смешинками в глазах, словно своё наваждение стряхнул.

– А ты ранняя пташка, красавица.

Немного охрипший голос приятно резанул по нервам и я растаяла, тут же раскраснелась, не знала куда глаза деть, в ход пошли отвлекающие жесты вроде поправления волос. Взглядом я попыталась найти что-то интересное, со стороны это выглядело так, но словно я им стреляла.

– Что есть, то есть.

Он кивнул и разговаривать дальше намерен не был. Не знаю, то ли не решил, что сказать, то ли не хотел говорить в принципе, а я на пятках покачнулась, вниз посмотрела и прикрыла глаза, пытаясь унять волнение. Сбитые колени попыталась прикрыть сумкой, но ручки в ней были слишком короткие и получилось не очень. Когда у тебя маленький ребёнок, сын, стёртые колени становятся отличительной чертой. Ты с ним ползаешь, играешь, балуешься, катаешься по полу от смеха, а результат виден на коленках. Так и мои, ничего хорошего из себя не представляли.

– Давно ждёшь?

Марат посмотрел пристально, словно подвох искал, а потом снова опомнился и расслабился, затянулся и отправил второй окурок следом за первым. Снял с беседки сигареты, положил пачку в карман и протянул руку мне, помогая подойти ближе. Дотронулся и пальцы огнём обожгло от чужого тепла, я только сейчас поняла, что замёрзла. Среди лета, на ярком солнце, и замёрзла.

– Надеюсь, это не я на тебя так действую. – Вздохнул Марат и подтянул меня ближе, обнял за талию и захват не ослабил, когда я попыталась высвободиться.

– Что?

– Я говорю, выражение такое есть, «кровь в жилах стынет». Надеюсь, у тебя пальцы не из-за меня онемели.

– А, – посмотрела на свою руку и пошевелила пальцами, они и правда, плохо слушались, – нет, не из-за тебя. Я всегда была мерзлячкой.

– Бывает… Если не секрет, куда с утра пораньше умотала?

Вроде и без интереса спросил, а рука на моей талии напряглась.

– Секрет. – Я попыталась улыбнуться, но шутку Марат не оценил, губы поджал и в сторону отвернулся.

Медленным шагом он направился из двора, меня как на буксире за собой потянул. На очень мощном буксире.

– И с чего вообще ты пытаешься меня контролировать? – Я возмутилась, когда напряжённое молчание затянулось, вполне натурально, надо отметить, а Марат посмотрел со смешинками во взгляде и мягко так, но настойчиво, словно ребёнку, объяснил.

– Я не контролирую, я беспокоюсь. – Настойчивый взгляд заставил меня хмуриться.

– Я не давала тебе поводов.

– Ты сама один сплошной повод, красавица.

– Я не о том.

Выдохнула со злостью, но не на него злилась, а на себя, за то, что после каждого раза как он упоминает мою внешность, краснею, сдержаться не могу. Мне важно его мнение, безумно важно. И этот его тон, когда он говорит… сладко, маняще, будто обещая что-о неведомое, неземное… внутри всё в тугой узел сжимается и хочется чего-то большего, серьёзного.

– Поясни.

– Мы с тобой один день знакомы, а ты требуешь отчёт о том, где я хожу и что делаю.

– А я уже сказал, что беспокоюсь.

– Я не давала поводов! – Упорно повторила я и он вздохнул ещё громче и ещё показательнее. Остановился, развернул меня к себе лицом, взял за подбородок.

– Ты. Мне. Нравишься. Я за тебя беспокоюсь. И мне всё равно, что ты думаешь по этому поводу. – Выждал секунду, меня отпустил и повёл дальше как ни в чём не бывало. – Так, где ты была?

Я рассмеялась. Вот, правда, и если бы могла сказать, куда ходила, обязательно бы рассказала, просто знаю, как парни относятся к детям. К чужим детям. Бояться их, опасаются, ревнуют к ним. И, естественно, слукавила. Отвернулась в сторону, чтобы он мои глаза не видел.

– В институте была, я два дня как сессию сдала. Нужно было забежать в документах отметиться, да и для шефа справку взяла, подтверждающую, что не прогуливала.

Он хмыкнул, а меня сей факт возмутил: с чего бы он мне не верил, да кто он такой?!

– Тебе зачётку показать?

– Покажи.

Сказал серьёзно, а сам еле смех сдерживает, смешно ему! За молнию на сумке дёрнула, покопалась, извлекла небольшую книжицу и открыла её на нужной странице, хорошо ещё что привычку такую имею: перестраховываться, и сразу её не выложила. Сунула ему под нос.

– Читай!

И он читал. Внимательно так, губы трубочкой вытянул, изредка поверх зачётки бросал на меня взгляды, которые не распознать.

– Так вы, значит, отличница, Марина Максимовна Соловьёва.

– Представь себе!

Зачётку я из рук его вырвала и быстро назад спрятала, пока он ещё что-нибудь там не прочитал.

– А ты?

– Что?

– Ты ведь не местный, что здесь делаешь?

– С чего взяла?

– Просто знаю и всё. Ответишь мне или как?

– Отвечу, конечно. Я приехал на каникулы, к бабушке.

Я тут же прыснула от смеха, а он вроде как обиделся, нахмурился так, серьёзно на меня посмотрел.

– Перестань, Марат, какая бабушка? Сколько тебе лет, школьник?

– Ну, допустим, не школьник.

К этому времени мы уже подходили к набережной, красивое место в самом центре города, я всегда сюда сына привожу, чтобы и ему было хорошо. Марат меня к парапету спиной поставил и руками с обеих сторон отгородил. Склонился так, что едва моего носа своим не касался. Я растерялась, попыталась взгляд отвести и он немного отстранился, не стал дожимать, хотя я готова была без боя сдаться.

– Не школьник. Кто тогда?

– А давай вместе посчитаем.

Предложил и хитро посмотрел на меня, голову чуть на бок склонил, прищурился, улыбку сдерживая. Руку мою взял, пальцы разжал и сам стал загибать.

– Школа, техникум, два года в армии, – естественно, пальцев одной руки не хватило, но Марата это волновало мало, он сжимал мой кулак, который легко спрятался в его ладонях и продолжал перечислять, – институт.

– И сколько должно получится? – Уже с интересом отвлеклась я, расслабилась, забыла о том, кто он, кто я, наслаждалась общением, не заморачиваясь по мелочам.

– Двадцать шесть. – Мои глаза расширились, я ожидала меньше, а он это уловил. –Должно получится. – Добавил, делая основательный нажим на свои слова.

– Получилось.

– Вот видишь, а ты смеялась.

– Я не смеялась, я удивилась. А что ты делал в кабинете у Геннадьевича?

– Начальник твой?

– Да.

Марат отлепил меня от перил, подтянул ближе, теперь обнимая двумя руками и прижимая к своей груди, к животу.

– По работе нужно было заехать.

– Ты же сказал что учишься? – Удивилась я и нахмурилась, а он рассмеялся.

– Думаешь, только ты умеешь совмещать несовместимое?

Я потупилась, понимая, что он прав, а Марат отвлёк, легко коснувшись моего носа указательным пальцем. Я увернулась, а он снова проделал подобный маневр, и продолжал наступать ровно до тех пор, пока я не рассмеялась вместе с ним.

– Ну, всё, перестань.

– А мне нравится. Кстати, тебе сколько лет?

– Девятнадцать.

– Да? – Мне показалось, он удивился. – А выглядишь моложе.

– И тебя это не смущает? Куда уже моложе?

– Не делай из меня древнего старика. Просто ты действительно выглядишь моложе, а возраст… мне, если честно, всё равно.

– А почему? – Наивно и на полном серьёзе спросила я. Марат промолчал, только вздохнул.

– Ты не голодная? Я есть хочу. Давай куда-нибудь сходим.

– Куда?

– А что у вас есть приличное? Я ещё не до конца освоился, давно здесь не был.

Я оглянулась по сторонам, но ничего подходящего, чтобы утолить мужской аппетит не наблюдала.

– Если честно, – всё ещё оглядываясь по сторонам, начала я, – то мы с тобой зашли в детскую зону. За углом есть кафе-мороженое, там можно заказать вкусные блины. Для завтрака самое то.

– Пошли в кафе. – Согласился он и потащил меня в нужном, хотя кафе видно не было, а значит, не так уж он и дезориентирован.

Сели за столик, с заказом не торопились, Марата возмутило отсутствие блинов с мясом или, хотя бы, с печенью, но на такое дело ему предложили свежее клубничное варенье. Он тогда так на официантку посмотрел, что меня передёрнуло. Я бы ей посоветовала достать непременно свежее варенье и никак не прошлогоднее, казалось, он на раз поймёт, если его захотят провести. За завтраком разговор пошёл веселее. Он много расспрашивал меня, о себе практически ничего не рассказывал, так, общий план, да и то, настолько расплывчато, что я ничего особенного не поняла. Периодически поглядывала на часы, как бы домой вернуться до прихода мамы, а он этот жест по-своему расценил, напрягся. Быстро расплатился и за руку меня вытащил. Казалось, в кафе многие вздохнули с облегчением, а на себе я поймала сочувствующие взгляды.

– Что-то случилось? – Бежала я следом за Маратом вприпрыжку, никак не могла догнать.

– Домой тебя веду. Ты ведь домой спешишь?

– Если честно, то да.

– Надеюсь, не к мужу?

– Я не замужем. – Буркнула обижено, да за кого он меня принимает! Руку дёрнула и резко остановилась.

– Что тогда?

– Тогда у меня мама строгая! – Практически выкрикнула ему это в лицо, почему-то захотелось расплакаться. Я тут волнуюсь, стараюсь понравиться, а он…

– Так, надо было так и сказать. Когда она приходит?

– Наверно, уже дома. – Пожала я плечами… давно дома.

– Давай на машине подкину.

– Как?

– Поймаем частника или такси вызовем. Здесь недалеко стоянка, проблем не будет.

И, действительно, Марат легко договорился с водителем и уже через десять минут мы были на месте. Он вышел сам и помог выбраться мне, специально в соседнем дворе остановился, чтобы меня не подводить. Заботился. Таксист уехал, а нам пришло время прощаться. По мне бы, сказать «пока» и уйти, но он не отпускал. И руками держал, и взглядом, словно загипнотизировать пытался. Приблизился к лицу и почти коснулся меня губами, но я отвернулась и вместо тёплых губ ощутила резкий порыв презрительного смешка.

– Понял. Пока.

– Марат…

– Когда следующий раз на смене? – Вместо объяснений уточнил он.

– Завтра выхожу.

– Отлично. Я заеду.

Выдавил из себя улыбку и отпустил меня, но уйти решилась не сразу, не совсем понимая его реакцию.

– Могу по попке шлёпнуть, придать ускорения. – Улыбнулся он, догадываясь, что меня тормозит и, о чудо, святую невинность как ветром сдуло.

Я буквально бежала, мне было и стыдно, и неприятно. Ну, не говорить же ему, что я никогда не целовалась в девятнадцать-то лет? Сама не понимаю, чего опасалась, казалось бы, чего уже, а я не могла через себя переступить. Где-то читала, что жертва насилия, как бы она не уговаривала себя и других, что всё пережила, без помощи специалиста не может вернуться к нормальной жизни. Я начинаю склоняться к этой версии, как к правде. Со мной что-то не так.

А дома уже ждала мать. Я, быстро прошмыгнув в свою комнату, переоделась, чтобы от меня мужчиной не пахло, волосы в хвост собрала, майку закрытую натянула, только бы лишний раз её не раздражать и тогда вышла.

– Где была? – Вместо приветствия грубый вопрос. Ничего удивительного, я уже привыкла.

– Андрюшу в сад отводила. Потом со Светой прогулялась.

Я тоже за стол присела, взяла небольшую вафельку, откусила кусочек, не знала, чем ещё себя занять, только бы в глаза маме не смотреть. Она ложь чувствовала за километр, оттого и усмехнулась тут же.

– Твоя Света раньше двенадцати не встаёт никогда, так что не утруждайся. Посуду помоешь. Я сегодня опять в ночь.

Когда мама вышла, я смогла вздохнуть с облегчением. Не люблю, когда она в таком настроении, а в таком настроении она практически постоянно. Не знаю, что с ней происходит, но маму словно подменили, особенно когда я в кафе устроилась (по Светиной наводке, к слову вспомнить), так и пытается меня уличить в чём-нибудь, у соседей выспрашивает, с кем я возвращаюсь с работы.

На следующий день Марат не появился, но букет прислал, только я его как всегда не смогла домой взять, очень хотелось такой красотой с мамой поделиться, только она не оценит. Зато Света просекла что к чему, всю смену смотрела на меня со стороны, но так ничего и не сказала. А потом он появился. Опять ночью. На этот раз не стал подкрадываться, а сразу предупредил, что на машине: не успела из кафе выйти, как фарами моргнул. Не скажу, что побежала к нему, да я и не сразу поняла, что это он, собиралась мимо пройти и только когда сквозь стекло разглядела сигаретный огонёк, засомневалась и остановилась. В ту же секунду дверь с пассажирской стороны приоткрылась, как приглашение, которое я приняла.

– Привет. – Я улыбалась, действительно была рада его видеть, наверно, и за поцелуем бы потянулась, только вот смелости не хватило, а он, видимо, помня предыдущий опыт, не стал наступать.

– Привет. Как дела?

– Отлично. Клиенты сегодня все как на подбор, никаких проблем не было. Такое не каждый день встречается.

– Молодец. Ты домой?

– Д-да… если можно…

– Мама? – Спросил участливо, выворачивая с парковки.

– Да.

Хорошо, что не пришлось лишний раз оправдываться, я вообще не хочу оправдываться, если ни в чём не виновата. Да и делиться своими проблемами и переживаниями тоже, что-то подсказывает, что он не для утирания соплей ищет встречи со мной. Я за два дня с этой мыслью свыклась, даже морально подготовилась, да и что там скрывать, поняла, что значит выражение «хотеть мужчину». Его я действительно хотела, и уже не скрывала этого, только Марат не торопился. Подвёз меня к дому, снова к соседнему.

– Час ноль три, – констатировал сухо, без эмоций. – У нас есть минут тридцать, как я понимаю? – Взглянул с вызовом, а меня от этого взгляда передёрнуло, как тогда, когда он официантку устрашал.

– Да, наверно так.

На самом деле у меня не было ни секунды. Дело ведь не в маме, а в том, что Андрей проснётся в любую минуту и расплачется, если увидит, что никого нет, но и уходить от Марата не хотелось. Ёрзала на сидении, пытаясь устроиться удобнее.

– Опять опаздываешь? – Усмехнулся он и отстегнул мой ремень безопасности, повернулся полубоком, положив один локоть на руль, другой рукой дотронулся до моего лица, проведя линию от виска до подбородка.

Думаю, не стоит говорить, что дрожь последовала тем же маршрутом?

– Я не могу остаться.

Едва ли не извиняясь, бормотала я, опустив взгляд.

– Скажешь, что клиентов было много. Вы ведь до последнего работаете? Плюс я тебя подвёз.

– Всё равно.

– Ладно, иди. Завтра с утра свободна?

– Нет, у нас девочка одна заболела, я вместо неё выйду.

Он так смотрел, словно ни одному слову не верит, но ничего подобного не сказал. Недовольно повернулся в кресле, пальцами по рулю побарабанил, дверь со своей стороны открыл и резко вышел, поднявшись одним рывком. Сегодня был как-то особенно напряжён, даже не пытался этого завуалировать, скрыть, не прятался за шутками как прежде, а меня всё больше к нему тянуло. К такому ощетинившемуся, опасному, дерзкому. Не даром говорят, будто девочки любят плохих парней, я явно соответствую стереотипам.

Марат дверь с моей стороны открыл, помог выбраться, как и всегда, но не отпустил, а, наоборот, к себе прижал сильнее, и тогда я почувствовала его напряжение достаточно явно, и давление на низ живота было приличным. Что, что, а член – это вам не поцелуи, с этим органом я успела познакомиться. Он понял, что я почувствовала, этого и добивался, в глаза посмотрел, опасно прищурившись, скажи, мол, что ничего не понимаешь и я над этим с удовольствием посмеюсь. Но я промолчала и Марат воспринял это как призыв к действию. Лёгко качнулся, толкаясь в меня бёдрами, глаза прикрыл с тихим стоном, вжал меня в своё тело ещё сильнее. Склонил голову. Так, чтобы губы были на одном уровне с моими. Удивительно, но я только сейчас поняла, насколько он выше меня. Раньше смотрела и было как-то всё равно, а сейчас даже это возбуждало. Я и сама девочка не маленькая, метр семьдесят восемь без каблука, а он на полголовы выше, вот и считай. Я глаза закрыла, но ничего не произошло, только его горячим дыханием обдало. Кажется, до сих пор чувствую тот запах, тот первый опыт. Смесь горького табака и сладковатой мяты. И ничего больше не нужно, чтобы возбудиться. Сразу внизу живота покалывает, разливает жар по животу, в груди щемящее удовольствие, а потом полный облом, потому что всё не так.

А с ним было как-то по-особенному. Может, оттого, что впервые, может, он знал какой-то секрет, но для меня этот поцелуй неповторимый. Когда я глаза открыла, то увидела его напротив и влюбилась навсегда. Страсть, безумие, перемежающиеся с нежностью и нежеланием навредить. Примерно такой коктейль в его взгляде. Приоткрытые губы, словно зазывающие попробовать их, и я рискнула. Сама его поцеловала, и почувствовала улыбку в ответ. Конечно, поцелуем это можно назвать чисто символически, я, скорее, ткнулась своими губами в его, но Марат и этому первому, нерешительному шагу был рад. Аккуратно, чтобы не спугнуть своим напором, легко коснулся языком моих губ. Влажную полосу тут же обдул лёгкий ветерок, по телу разошлась волна дрожи, весьма ощутимой, потому как Марат тоже почувствовал и продолжил уже решительнее. Легко двигая бёдрами, пытался приучить меня к такому незамысловатому движению, прикусил нижнюю губу, добиваясь низкого стона, а я не могла себя контролировать и с удовольствием поддавалась соблазнению. Не торопилась, следовала за ним, повторяя движения. А потом его язык коснулся моего и новая волна ощущений заставила прогнуться в пояснице. Секунда и я уже сама льнула к нему, обнимала за шею, тёрлась и возбуждённый орган как кошка. И не было стыда, было только странное желание избавиться от напряжения, которое только нарастало.

Я не знаю сколько мы так стояли, но губы саднило и дыхания не хватало, ноги подкашивались от удовольствия и я буквально висела на нём, хваталась за то единственное, что держит меня в этом мире. Я первая поняла, что пора прекращать, но не могла оторваться.

– Мне кажется, кому-то пора найти точку опоры, дорогая. Тебя всегда так расслабляет при поцелуе? – Улыбался он в мои губы, уже не целуя, а лишь легко касаясь их, заставляя ловить, дразнил.

– Я не знаю. – Шептала, сама не понимая, что говорю.

– Красавица, если ты сейчас не уйдёшь, я не смогу остановиться.

Он придавил меня к машине, всё сильнее упираясь возбуждённым членом, а меня и у самой всё внизу живота ныло. Я чувствовала влагу, но уже понимала, что так и нужно, она немного ослабляла, смягчала приятное жжение внутри. А Марат, несмотря на свои слова, и не думал отпускать, уже зацеловывал шею, спускался ниже, чем привёл в чувства. Я вспомнила, что мы стоим на улице, Андрей дома один и любой может видеть то, что происходит, тут же попыталась оттолкнуть.

– Нет. – Твёрдо и жёстко он придавил меня обратно и так замер. – Я первый у тебя, да, ты поэтому боишься? – Судорожно шептал где-то в области шеи подсевшим голосом. – Я тебя не обижу, обещаю, буду нежным. Поехали со мной, хочу тебя, не могу отпустить.

– Мне нужно идти.

Я просила его, я умоляла, а тело дрожало от страха и паники. К сожалению, он у меня был не первым, и от этих слов, этих предположений, хотелось расплакаться.

– Нет, нет, не уходи, подожди минуту, прошу. – Отдышался, уткнувшись лбом в моё плечо, а я не могу, этот невинный жест заставляет меня плавиться, сходить с ума. – Но ведь хочешь, я знаю, я чувствую. Просто скажи «да» и я всё сделаю для тебя, слышишь?

– Я слышу, но прошу: отпусти меня, пожалуйста.

Сил на то, чтобы вырываться уже нет, все выпил, я могу только надеяться на то, что отпустит, а он не отпускает, крепче прижимает меня к себе, руки, словно оковы, опоясывают, а губы обещают все круги рая. А я разрываюсь между Андреем и Маратом, между желанием уйти, чтобы не разочаровать, и желанием остаться, чтобы узнать, как может быть. Безвольно упираюсь в каменную грудь, ощущая мышцы под своими ладонями, биение его сердца, быстрое, резкое, такое же как и он сам, агрессивное.

– Мне нужно идти, отпусти. – Шепчу и прижимаю его голову ближе, вдыхаю его запах, стараясь подольше задержаться в сладостных секундах.

Марат принимает решение и отстраняется, словно часть меня оторвали. И не разрешает приблизиться, а моя просьба как наказание самой себе. Не могу отдышаться.

– Всё, Мариша, иди. Не могу. – Обречённо головой качнул, отступая.

Я сделала шаг вперёд, а он за подбородок меня схватил, цепко, практически болезненно, в глаза посмотрел так, что ком в горле стал. Я не боялась его, глупо, безрассудно, игра с огнём, но не страх, поэтому смотрела в серую бездну, затаив дыхание.

– Иди и помни, что моё терпение не безгранично и я не буду играть в твои игры. У меня свои правила.

– Пока.

– До завтра.

Кажется, вламываться в квартиру вошло в привычку, дверь я за собой захлопнула, точно гнался кто, и дыхание перевести не могла несколько минут. Прижималась спиной к дерматиновой обивке, ощущала холод металлических кнопок в ней, каждая как иголка впивалась в тело, причиняя боль, а я не могла оторваться, не могла сдвинуться с места, так мне было хорошо.

Андрюша спал сном младенца, хотя нет, он спал сладким сном, за всю ночь так и не проснулся, а мне всё равно, я ведь глаз практически не сомкнула. Сына в садик отвела, а сама на работу с улыбкой, не потому, что чуда жду ото дня, а потому что ОН сегодня будет там.

Глава 3

Я порхала с подносом в руках. Глядя на меня, все только удивлялись, а вот Света продолжала сверлить взглядом. Марат появился ближе к обеду, как всегда с букетом. На этот раз был в настроении, с сияющими глазами, и не важно, что вчера пол ночи в окно смотрел, скурил пачку сигарет и истоптал пару ботинок, всё равно, увидев меня расцвёл. Или это я расцвела, а он светился изнутри? Не знаю, тогда всё это было не важно.

Отвесив парочку комплиментов, окончательно разнежив меня, он ушёл, оставив чувство пустоты и утраты, зато перестали сыпаться вопросы «что?» «как?» и «почему?».

Часам к шести вечера, выдался небольшой перерыв в работе, клиенты сыты и довольны, мы со Светой при чаевых и с чашечкой кофе на кухне.

– Что скажешь? – Серьёзно начала она, а я заулыбалась, вспоминая вчерашний вечер, как он нервно топтался под машиной, бросая частые, острые как бритва взгляды, на мои окна, знал, что я смотрю из них на него, и успокоиться от этого не мог. Видела, как несколько раз порывался пройти в подъезд, но вовремя останавливался, пинал камушки, срывая на них свою злость и мстил им же за неудовлетворённое желание.

– Если скажу, что влюбилась, то что? – Не обращая внимания ни на её взгляды, ни на гримасы, я радовалась жизни.

– А если я скажу, что ты дура?

– То я пропущу это мимо ушей. – С удовольствием отмечая, что мне на всех плевать, я вытянула шею и округлила глаза.

– Марин, ты ведь понимаешь, что это не серьёзно. Он из другого города, сегодня здесь, а завтра там. Ты что будешь делать?

– Не знаю… подумаю об этом завтра.

Сделав небольшой глоток кофе, скривилась: забыла сахар, но даже это ненадолго стёрло улыбку. Я умилялась, глядя на подругу, а она бесилась, глядя на меня.

– Марин, когда у тебя такое выражение лица, меня начинает тошнить. Убери эту дебильную улыбочку!

Она скривилась как от лимона и отвернулась на всякий случай. Кажется, говорила чистую правду.

– И не думай после этого сказать, что я тебе завидую, потому что там нечему завидовать.

Дополнительно предупредила и ткнула в мою сторону пальцем.

– И в мыслях не было. Я знаю, что ты настоящая, самая лучшая и моя единственная подруга.

– Отлично, – она мученически вздохнула, – твоё дебильное настроение распространяется и на меня.

– На тебя, на Марата и даже на нашего повара Михалыча. Слушай, Свет, всё хорошо, не волнуйся за меня, я в порядке.

– Ага, я и вижу. Распинаюсь тут, открытым текстом объясняю (это так, на всякий случай, вдруг ты с катушек слетела и просто не соображаешь, что делаешь), что ему нужно только перекантоваться пару ночей, неплохо бы, чтобы их скоротала такая милашка. как ты. А ты…

– А что я? Может, я и не против?

Моргнув несколько раз так, словно впервые меня видела, Света отставила в сторону свою чашку, устроила оба локтя на столе и приготовилась внимательно слушать.

– Ох, как мы заговорили, – то ли возмутилась, то ли просто удивилась подруга. – Говори, что я пропустила?

– Ровным счётом ничего.

– Ага, не считая того факта, что наша ледяная королева оттаяла и банально хочет секса, а ещё лучше, чтобы её красиво поимели и отпустили на вольные хлеба. Я ничего не упустила?

– Не упустила. – Немного обиженно буркнула я, но тут же поняла, что в её словах что-то есть и от правды, или, может, чистая правда.

– И?

– Что?

– С чего такие перемены? Ты же понимаешь, что для такого как он, соблазнить такую девушку как ты, раз плюнуть. Он мужчина взрослый, и по тому, что я знаю, вполне состоятельный. Да его пачками такие же Марины, Маши, Кати в каждом близлежащем городе и посёлке ждут. Цветочки эти, ужимочки, улыбочки… – Она нервно взмахнула руками, указывая на цветы у стены, отрицательно покачала головой, видимо, возмущаясь моей безголовости. – Нет, ну, я не понимаю, чем он тебя взял? Ведь и посмотреть не на что! Грубый, мужлан, а смотрит так, что окаменеть можно.

– А вот с этим я даже спорить не буду, ты не права и всё!

– Да что ты… и много ты успела рассмотреть?

– Тебя интересует что-то конкретное? – Тем же провокационным тоном вернула я её вопрос, бровь одну приподняла, глянула красиво, как в фильмах. И не знала, что так умею, сама удивилась, когда отражение в зеркале увидела.

– Нет, я не о том. Он какой-то… – Света даже слов подобрать не могла, пальцами у меня перед носом щёлкала, припоминая. – Какой-то агрессивный, что ли. Вот, знаешь, волка обычно рисуют в напряжённой воинственной позе, взгляд такой, словно только на тебя и смотрит, нос сморщен, предостерегающий оскал, который он называет улыбкой. Короче, жуть.

Вдобавок её передёрнуло от воспоминания редких встреч с Матаром.

– Он не такой.

– Да, а какой? Ну, не мальчик-зайчик с обложки модного журнала так точно.

– Меня такие мальчик и не привлекали никогда.

– Ага, я помню. Такого красавчика отшила… – Простонала Света, вспоминая одного парня, который неудачно подкатил в начале лета. А мне он не понравился, даже и думать было не о чем. – А на этого запала. Нет, он, конечно, обладает животным магнетизмом, здоровой мужской сексуальной энергетикой…

– Всё, всё, ты начала говорить как сексолог из известной телепередачи, хватит. Не знаю как тебе, а мне он нравится. А внешне, так вообще, никого другого и не нужно.

И возмущалась я тут совершенно искренне, просто не понимала, как Марат может не понравится, о вкусах, конечно, не спорят, но я глаз не могла оторвать. Только что ни себе, ни другим в этом не признавалась. И дотронуться хотелось, и его внимание ощутить, оттого сейчас и живу как в сказке.

– Ну, даёшь. А если залёт? Где искать его будешь?

– Я не собираюсь его искать. У нас ещё и не зашло так далеко, и вообще…

– Так значит не зашло. – С видом профессора хватилась она за новость. – Так, чего ты мне голову морочишь? Избавляйся от него скорее, пока ещё можно это сделать. Поверь, с ним будут сплошные неприятности.

На последних словах подруга сбавила тон и огляделась по сторонам. Мне это не понравилось и я посмотрела иначе, настойчивее, она этот взгляд уловила и смолкла.

– Ну?!

– Марин, я не хотела тебе говорить… – Её паузы бесили неимоверно, но и заставить говорить, если она не хочет, нереально, можно только искать подход, что я и делала. И взгляд ловила, и ладонь держала, а Света в пол смотрит, говорить не хочет, точнее, у неё не получается. Словно боится чего-то.

– Не хотела тебе говорить, правда, не думала, что ты поведёшься… только не такой он, каким тебе кажется.

– А какой?

– Марин, у шефа были небольшие проблемы, может, ты помнишь?

– И при чём здесь шеф?

– Да при том, что никто не знал, да и я не должна была, случайно всё вышло…

– Давай к делу, сейчас до инфаркта доведёшь, а у меня сын! – Прикрикнула я, так как этот её тон, шпионское стреляние глазами по сторонам, уже прилично раздражало.

– Да что тут, дела-то того. В общем, Геннадьевич взял тогда кредит.

– Подожди, так банки же ему отказали, разве нет? Он ещё сказал, что старый друг помог.

– Ага, – кивнула Света и посмотрела на меня как на наивное дитя. Наверно, я такая и была, не знаю, но в тот момент восприняла этот взгляд как личную глубокую обиду. – Знакомый. Как раз тот знакомый, с которым сейчас так удачно познакомилась ты. Он бандит, Марина, он деньги людям даёт под огромные проценты, ну, просто под огромные.

И если судить по величине Светкиных глаз на тот момент, то о процентах этих не стоило даже думать – поседеешь.

– И что?

– А что? Если кто отдать не может, они принимают активные меры. Кого шантажируют, кого избивают. Это опасные люди, Марина. Он к Геннадьевичу как-то уже приезжал, что-то они там не поделили, так шеф на машине ездить боялся. Чем, скажешь, Марат твой ему пригрозил?

– Мне нет никакого дела до их отношений, Света. Кто, что и кому должен… меня в это не вмешивай. Сейчас ты наверняка в этом сомневаешься, но голова на плечах у меня ещё осталась. Я знаю, что делаю, я знаю, чего хочу и как этого добиться. А сейчас я хочу его.

– Какая взрослая, мне аж страшно! – Саркастически заметила подруга и на спинку стула откинулась. – Давно раны старые зализала? Сколько после своего Андрюхи от мужиков шарахалась? Этот тебя размочил, да? Так вот, дорогая, помни мои слова: Марат этот тебя в покое, если что, не оставит. Такие, как он, всегда своего добиваются, на принцип идут, но желаемое получают. Вот и ты, смотри, не угоди в ловушку.

– Ты перечиталась детективов.

– Я, в отличии от тебя, людей насквозь вижу. И советы даю не просто так, а потому что переживаю.

Она резко склонилась над столом, ко мне приблизилась, едва ли лбами не столкнулись.

– Ну, я прошу тебя, Марина, подумай ещё разок, стоит ли оно того. Ну, нет счастья и не надо, только бы проблем лишних себе не создавать.

– Я услышала тебя, спасибо за то, что ты есть, но моё решение – это моё решение.

– А мне почему-то кажется, что он уже всё решил. За вас двоих.

Мы смолкли, а в этот момент нас уже окликнули.

– Девочки, не сидим, там люди пришли!

– Да идём уже! – Огрызнулась Света с администратором, а на меня с неподдельной жалостью посмотрела.

Я и сама знаю, что с головой в пропасть лечу, только противиться самой себе не могу и не хочу. Мне нужен такой как он, сильный, смелый, уверенный в себе. И чем занимается не важно, только бы на меня смотрел так же как и вчера, чтобы до дрожи в коленках, чтобы дыхания его как своего собственного ждать.

Не то, чтобы разговор с подругой произвёл неизгладимое впечатление, но задуматься заставил. Только вот, сколько бы я не думала, результата это не изменило. Я хотела его увидеть, приблизиться, почувствовать. Хотела, хотела… ровно до тех пор пока домой не пришла. Марат сегодня меня не встретил, наверно, к счастью. Не знаю, что бы из этого вышло. С утра как всегда: отвела сына в детский сад, по дороге домой забежала в продуктовый, купила немного

мяса, овощи, Андрею небольшую шоколадку и ассорти из фруктов. Денег в семье особо не водилось, но пару раз в месяц можно было шикануть. А дома меня уже ждала мама.

После смены она не легла спать, как бывает обычно. Пока я раскладывала продукты в холодильник, молчала, пилила, жгла взглядом дыру, а когда всё разложила, отнесла пакет в коридор и вновь вернулась на кухню, чтобы приготовить обед, без разговоров ударила меня по лицу. Щёку обожгло болью, я тут же за неё схватилась, охлаждая ладонью, смотрела на маму и понимала, что та в ярости, её глаза горели, в лицо ударил жар, а губы нервно подёргивались. Я даже не спросила за что, она сама сказала, словно проклятие выплюнула.

– Когда ты успела стать такой шлюхой?! – Прокричала мама, приближаясь. Я отступила.

– Мама, ты о чём?

– О чём? Весь двор знает, а ты не знаешь?! Я не собираюсь смотреть ещё одного ублюдка, пока ты развлекаешься со своими кабелями.

От её крика меня передёрнуло, хотелось зажмуриться, проснуться, ведь я надеялась, что это страшный сон, но мама продолжала кричать и я понимала, что всё, что происходит, происходит вживую. И молила Бога за то, что Андрюша этого не слышит.

– Ты, тварь неблагодарная, всех в могилу свела и меня туда же отправить хочешь? Я чуть со стыда не сгорела, когда всё это выслушивала. Опозорила и меня, и всю нашу семью!

– Я ничего не сделала. – Попыталась сказать твёрдо, но голос дрожал, и руки дрожали, и ноги. Я не хотела всего этого слышать, но и уйти не могла.

– Не сделала? Так это я мужиков по ночам обслуживаю на глазах у всех? Или, думала, никто не увидит? Так и знай, дрянь: в подоле принесёшь, в этот раз за тебя никто не заступится, на улицу выгоню и тебя, и приблуд твоих. В моём доме, пока я жива, вертепа не будет.

Мама уже не кричала, говорила обдуманно и осознанно и из каждого слова сочилась ненависть. Я понимала, что в чём-то была не права, знала, что виновата, но при этом просто хотела быть счастливой. На ватных ногах вышла в свою комнату и не было сил даже заплакать, только внутри всё гудело и кричало от боли и обиды. Звонок в дверь развеял гнетущую тишину в квартире. Я нехотя отправилась открыть дверь и на пороге увидела незнакомого мне парня. Тот задорно улыбался, а мне нечем было ему ответить. Посмотрела, с трудом шевеля мозгами, не понимала, что тому от меня понадобилось.

– Марина Соловьёва? – Уточнил он. Видимо, глядя на меня, уже начал сомневаться, что пришёл по адресу, я же сомневаться продолжила, несмотря на услышанное имя.

– Да. Это я.

От некого ступора даже язык шевелился плохо, и веки я поднимала с трудом, видимо, мой организм на утреннюю сцену отреагировал более явно, чем я сама.

– Служба доставки цветов «Магнолия». – С торжествующей улыбкой отрапортовал парень и всучил мне букет, который до этого я не видела. – Распишитесь вот здесь.

Ткнул пальцем в какой-то бланк. Я черканула что-то ослабшей рукой и закрыла дверь до того как услышала прощальные фразы. Мельком глянув на цветы, разглядела в них открытку, только прочесть не успела, мама вырвала букет из рук и сделала это сама. Прочитав, побелела, глаза бешенные, губы синюшные.

– Ах, ты, дрянь.

И в то же мгновение букетом ударила меня по лицу. Сразу же беспорядочные удары посыпались по голове, спине, плечам. Лицо я прикрывала. Естественно, биться с матерью не собиралась, не так воспитана, но и защитить себя стоило. Не помню как и что произошло дальше, только мама за косу меня схватила, а потом роскошные волосы, длиной до пояса, которыми я так гордилась, были сжаты в её кулаке, а на моей голове неровным срезом рассыпались их остатки. Букета в её руках больше не было. Вот, правда, не знаю, не видела, куда делся, а смятая картонная записка лежала на полу у моих ног. С чувством выполненного долга, мать вернулась в спальню, громко хлопнув старой рассохшейся дверью. Я записку подняла, а там одно только

слово: «Хочу». Вот, значит, во что он оценил меня. Всего лишь желание, всё как и говорила Света. Похоть, страсть, желание обладать. Не скажу, что я собиралась пожертвовать своими чувствами во благо семьи, эти высокие слова не для меня, я просто сделала рациональный выбор. Так же, как и он. Собрала на кухне остатки маминого буйства, погнутые, растоптанные лепестки, листья, разбито что-то из посуды. Выбросила всё это в урну, вымыла пол. Прикрывая голову, одела майку с капюшоном, спустилась на первый этаж и позвонила в дверь под нами.

– Мариночка, ты чего? – Удивилась соседка, тепло улыбнулась, видя моё состояние тут же отступила вглубь квартиры, пропуская войти.

– Доброе утро, тётя Маша. Не разбудила?

– Да, как сказать, – пожала плечами та и отвела взгляд.

Я поняла: она слышала наш с мамой скандал. Старый дом, изоляция нулевая, а ещё и вентиляционные ходы, в общем, объяснять ей ничего не придётся. Я шагнула в квартиру, стянула с головы капюшон, терпеливо улыбнулась, глядя на то, как в шоке открывается её рот.

– Ой, что делается…

Запричитала она и сразу же потянула меня в зал, усадила на кресло. Тётя Маша была парикмахером всю свою сознательную жизнь, теперь работала на дому, считалась отличным специалистом. Мои волосы она отказывалась стричь даже после угроз, что я найду другого мастера. Только форму причёске придавала и концы подравнивала. Не позволяла ни стричь, ни красить, советовала ограничить пользование феном.

– Ничего, девочка моя, не расстраивайся, сейчас так подстригу тебя, не нарадуешься.

Так во время стрижки она и приговаривала, успокаивая меня. Работала старательно, достаточно долго. В итоге получилась вполне себе стильная стрижка, похожая на укороченное каре, мне шло, но было непривычно. Да и чёлка мешала, я её никогда не носила.

– Ну, и чего мы тут сырость собрались разводить? – Она подняла к свету моё лицо и сама смахнула слёзы. – Такая красавица получилась… Была бы я помоложе, сама бы такую стрижку носила.

– Ага, взрыв мозга.

– Ну, чего теперь уж… – Развела она руками и отошла в сторонку, позволяя мне получше себя в зеркале рассмотреть.

– Спасибо, тёть Маш, очень красиво, только вы так можете сделать. Но не то всё это, не моё.

– Отрастут. Я тебе сейчас масочку дам одну, замечательная вещь. Ты Луизу Филимоновну помнишь? Вот уж, действительно обидела человека природа, такая красивая женщина, а на голове частокол. А какая теперь шевелюра, а? А у тебя ещё лучше получится.

Она начала суетиться, шарить по многочисленным тумбам и полочкам.

– Да куда же я её поставила? А, вот! Держи! – И с гордостью протянула приличную по размерам колбу.

– Не нужно, и так отрастут. У меня и денег столько нет.

– О-о, не говори ерунды, – замахала она руками, не желая брать колбу обратно, – тебе нужнее, а мне ещё привезут. Знаешь ведь, все приличные люди стригутся. Где только не бывают и чего только не тащат, раздавать не успеваю. Бери, бери, не сомневайся. Тут всё проверено, качество, марка – всё.

Помолчав с минуту, тётя Маша посмотрела на меня с жалостью. Она всегда так смотрела, когда отца моего вспоминала, она и настояла на том, чтобы я в институт поступила. Понимала меня, советовала, вытаскивала из панциря, в котором я скрывалась от окружающего мира с самого детства. В общем, святая женщина. Посмотрела, вздохнула, к дверям меня провела, но открыла не сразу.

– Уезжала бы ты отсюда, Мариночка.

– Да ладно вам, куда я от мамы поеду?

– Жизни у тебя с ней не будет. Поверь моему опыту. Она с каждым разом хуже становится, уж не знаю, что так повлияло. Да только тебе ли жизнь свою ломать? Молодая ведь ещё, девчонка совсем.

– Спасибо за совет, – я склонила голову, понимала, что не смогу решиться и бросить её, – да и Андрей у меня… а в садик сами знаете как сейчас устроиться. И денег нет, образования толкового…

– Так я бы тебе помогла. – Оживилась тётя Маша, видя, что меня можно уговорить. – Что тебе в этом захолустье жизнь портить? В столицу, конечно, не стоит, не того ты поля ягодка, а вот в крупный областной центр, вполне возможно. Ты молодая, приспособишься. Да хотя бы и в нашу маленькую столицу. Там у меня кума заведующая детским садом, а она тебя и на работу возьмёт и сына ты пристроишь. Соглашайся.

– Спасибо, не стоит. Не хочу вас обременять.

– Вот как дам тебе затрещину, ты и поймёшь, как меня обременять! Не могу видеть, как ты здесь загибаешься. Знаю, что боишься начать, а не стоит. Твоя жизнь в твоих руках. Помни об этом, и цену себе знай. – Бросила напоследок, когда я, не дождавшись хозяйки, сама открыла все замки и уже бежала по ступенькам.

– Спасибо. – Ещё раз отблагодарила я и услышала щелчок дверного замка снизу.

Андрея из садика забрала позже обычного. Он за это полдороги на меня дулся, но узнав, что дома ждёт пир, успокоился. Мама из своей комнаты не вышла ни на обед, ни на ужин. Но мне казалось, оно и к лучшему. Не стоит Андрею бабушку в таком состоянии видеть. Он и так чувствует, что ему не рады, хотя мама себя всегда сдерживала. Но дети удивительные существа, им и говорить не нужно, они лучшие экстрасенсы, всё чувствуют. А вечером, когда я сына спать уложила, случайно в окно выглянула, а там Марат. И он меня заметил, фарами сразу же моргнул. Потом ещё раз и ещё. Я уже окно зашторила, но даже так видела блеск парных огоньков. Старалась себя пересилить, к стене отвернулась и расплакалась. Не могла больше держаться, а завтра быть слабой никак нельзя.

За последнее время наверно это выдался первый день, когда на работу я не шла как на праздник. Всю дорогу камни считала, спотыкаясь. Да и день соответствовал настроению: сыро, душно, пасмурно. Рукой, то и дело, волосы теребила, непривычно, пусть и красиво. Из того, что было, получить желаемое сложно. Свете я не стала рассказывать что и как, но моё настроение скрыть было сложно. Я не из тех людей, которые улыбаются всегда, что бы ни произошло. Не спешу делиться проблемами со всем миром, держу в себе, но и на улыбку меня не хватает. Так и сегодня, дежурная. Сразу понятно, что всё не так.

– Вы поссорились, что ли?

Подловила она меня на кухне, пока заказ ждала. Я хмыкнула.

– С чего бы?

– А что тогда? Вчера ещё доказывала мне что-то, улыбалась, сегодня молчишь, в сторону глаза отводишь.

– А ты смотри на меня меньше, может, и проблем не будет?

– Сейчас так намекаешь, что я сглазила?

– Нет, я намекаю, что это не твоё дело. – Не своим, каменным голосом ответила подруге и она проглотила эту обиду. Подбородок вверх задрала и показательно отошла в сторону.

Я в зал вернулась, а там Марат. Даже за столик не присел, в углу стоит, со стороны за всеми наблюдает. Меня увидел и улыбнулся кисло, тоже не в настроении. Не стал подзывать, к барной стойке подошёл, а я мимо продефилировала, словно и не увидела. Он только хмыкнул. Кофе заказал. В следующий раз, когда в зал вернулась, его уже не было, зато Света шныряла как метеор, от одного клиента к другому, демонстрируя обиду и явное нежелание мириться первой. Напряжение в зале я не выдержала, заказ последний принесла и вышла на задний двор

подышать. На крыльцо присела, не боясь испачкаться, не до того как-то, и на землю смотрела. Через минуту рядом стоял Марат.

– Ну, привет, красавица.

Я голову подняла, против солнца на него посмотрела, прищурилась.

– Привет.

Он окинул меня внимательным взглядом, почему-то встать захотелось. Не знаю, опаска какая-то, страх, впервые почувствовала, не могу объяснить. Поднялась, с юбки пыль стряхнула, стала напротив. Мне было, что сказать, точнее говоря, я репетировала, слова готовила. А от его леденящего взгляда все они в горле застряли, да что там слова, я даже в глаза ему посмотреть не могла, отворачивалась.

– Я с шефом твоим договорился, у тебя выходной. Переодевайся, жду в машине.

Каким-то неприятным приказным тоном отрапортовал Марат и уже уходить собирался, когда я тихо пропищала «нет». Он обернулся, казалось, даже и сам не понял зачем, а я словно чувствовала, как злобная улыбка расползается по его лицу.

– Что? – Получилось резко.

– Я не поеду. – Так же тихо, хотя голос уже набирал силу, проговорила я, и Марат развернулся, подошёл ближе, практически вплотную. Поднял лицо за подбородок, провёл второй рукой по волосам.

– Подстриглась? Красиво. – Я понимала, что он борется с собой, чтобы не сорваться, хотя иногда голос начинал звенеть, а он вроде как улыбался. – Только с длинными мне больше нравилось.

– Мне тоже. Слушай, Марат…

– Давай не здесь, не хочу со всеми делиться. Ты как?

Попытался меня уговорить, а сам весь напряжённый, точно каменный, мышцы вибрируют, голос садится.

– Я с тобой не поеду. – Повторила твёрже и он усмехнулся. Холодно, неприятно. Так, что я всё же посмотрела в его глаза, тут же ком в горле сглотнула.

– Марин, – всё ещё терпеливо, пытаясь дышать ровно, Марат не терял надежды, – я тебя не понимаю. Точнее, не так… я хочу понять, но не могу. Давай в спокойной обстановке всё решим. Сейчас ты капризничаешь и мне это не нравится. Дай несколько минут и всё можно будет решить. Хорошо?

Двумя руками, с нажимом, он запрокинул мою голову, надёжно удерживая лицо и шею, фиксируя в таком положении, заставил смотреть в глаза, склонился ближе, так, чтобы я вспомнила, от чего отказываюсь.

– Уходи. – Через силу выдавила из себя. – Ты мне не нужен. Я не хочу, чтобы ты дарил мне цветы, прикасался ко мне, смотрел вот так. Я боюсь тебя. Это правда, что ты бандит?

– Ах, вот оно что? – Он закусил свою губу, медленно выпуская её наружу, вот сейчас действительно стало страшно и я дёрнулась, только меня Марат не отпустил, хотя понимал, что такое положение как минимум неудобно. – Подружка напела?

– Я не хочу.

– Марин, марин, не спеши так, послушай. Я не бандит, не понимаю, кому в голову такой бред пришёл. Только к тебе это, в любом случае, никакого отношения не имеет. Ты ведь знаешь, какой я, знаешь, что не обижу. – При этом уже тёрся о мои губы своими, мои глаза закрывались, а дыхание становилось судорожным. Не от желания, от понимания того, что Марат не хочет отпускать.

Я вцепилась в его ладони, пытаясь разжать их, но он улыбнулся, только улыбка эта на оскал походила. Выдохнул мне в губы, лбом в мой лоб упёрся и в глаза посмотрел.

– Красавица, моя, кажется, ты не догоняешь. Ты. Мне. Нужна. Это понятно?

Я кивнула.

– Отлично. Мне плевать на твоих родителей, дедушек, бабушек, и так далее по списку. Мне плевать, если у тебя есть любимый мальчик, за которого ты хочешь выйти замуж. Я всё для тебя сделаю, если ты будешь со мной. Всё. Королевой будешь. Это ты понимаешь?

– Я тебя не хочу. Ни видеть не хочу, ни слышать. Отпусти меня.

– Только сейчас это поняла, да? До этого нормально было?

– И до этого понимала. Только ты не понимаешь. Мне ничего не нужно. Ты мне не нужен. – Голос уже начинал сбиваться, а Марат сдавливал моё лицо всё сильнее. – Мне неприятен и ты, и твои подарки. Я не хочу всего этого. Не хочу!

Уже ногтями раздирала кожу на его руках, а Марат даже не скривился. Потом вдруг резко отпустил меня, так, что я даже пошатнулась, едва не упала с высокого крыльца. На пару шагов отступила и только сейчас поняла, что у меня шея огнём горит. Пока большие пальцы моё лицо сдавливали, все остальные дыхание перекрывали, передавливая шею. Тут же эти места растёрла, успокаиваясь. А он смотрит на всё это отстранённо и нет жалости, только злость, бешенство. Потом равнодушно улыбнулся, проверил, не стоит ли кто под дверью. Плотнее её прикрыл. Снова ко мне шагнул, а я отступила, он засмеялся.

– В общем так, красавица, объясняю один раз. Сейчас я ухожу, а ты подумай. Хорошо подумай. – Проговорил с нажимом, чтобы я наверняка знала, какое решение нужно принимать. – А завтра вернусь и хочу услышать твой положительный ответ.

– Ты его не услышишь.

– Не перебивай. – Рыкнул и я смолкла. – Всё равно со мной будешь, хочешь или нет. И я не отпущу. Потому что своего никогда не отпускаю.

Сразу после этих слов вошел в коридорчик, толкнув дверь ногой, а я осталась. Хоть следом беги, так противно. Меня не пугали его угрозы, чёрт, я мазохистка наверно, но мне нравилось это давление. Мне хотелось, чтобы меня так любили. И даже понимание того, что это чувства собственника, не позволяли одуматься. И его я понимала, оправдывала, потому что хотела оправдать. И общества его хотела избежать только для того, чтобы не сорваться. Пусть лучше заставит, только не эта пустота, не эта неопределённость. За меня никто и никогда не сражался. Я не знаю, что им двигает в действительности, но завожусь только от одной мысли, что можно так желать чего-то. Он сильный, он уверенный, он красивый и такой… такой мой, для меня. Не правильно это… и чувства мои неправильные. Милютин постарался, да, наверняка он. Как это грамотно назвать? Психологическая травма? Теперь другого обращения и не хочу, так? Марат любит, хочет, а я не могу ответить тем же, потому что мама дороже, потому что сын – это моя жизнь. А Марату нужна я. Могла ведь всё объяснить, только, боюсь, не поймёт. Не тот он человек, чтобы входить в положение, и мне это не подходит. Почему-то не верилось, что свои угрозы воплотит в жизнь, не посмеет, казалось, что что-то значу, хотя, с чего бы… Ясно ведь дал понять чего хочет и зачем. Не знаю, но для меня этот человек так и остался в другом свете.

В зал вернулась сама не своя. Никто ничего не понял, но и спрашивать не решались. А потом Геннадьевич меня к себе вызвал, не помню точно, что говорил, а, может, спрашивал. Помню, что домой отправил, в себя прийти. И я пошла, потому что не слышала и не видела ничего и никого вокруг. Прихожу, а мама дома. Я в свою комнату пройти хотела, а она наперерез выскочила, присмотрелась, ухмыльнулась, довольно неприятно.

– Что, ночью зарабатываешь больше, чем днём?

– Меня отпустили.

– Конечно отпустили, всех уже окрутила, потаскуха! Люди судачат, ты частенько по дворам шляешься.

– Мне всё равно, что говорят твои люди.

Мама стала в проходе.

– МНЕ не всё равно! В общем так, твои вещи я собрала, выметайся.

– Что? Ты в своём уме? Это моя квартира и я никуда не уйду.

– Это моя квартира! – Взревела мать и оттолкнула меня к коридору.

Пока я стояла ошарашенная новостью, она уже вытащила из комнаты два больших чемодана, их ещё отчим покупал, поставила передо мной.

– В коричневом твои вещи, в синем ублюдка твоего. Убирайтесь, чтобы я вас больше не видела.

– Замолчи, я не могу этого больше слушать! Андрей мой сын и твой внук, не смей его оскорблять!

– А ты на мать-то не кричи, на мать не кричи! Нос ещё не вырос, на мать голос повышать. Я сказала убирайся. Ключи оставь и чтобы духу твоего здесь не было.

– Я никуда не уйду. – По сторонам оглянулась будто в поисках поддержки. – Я никуда не уйду! – В истерике уже кричала, топнула два раза ногой, потому что не понимала, как так можно. За что, почему? Словно я не родная, словно когда-либо плохо ей сделала. Слёзы бесконтрольно посыпались и я сделала шаг вперёд, мать попыталась оттолкнуть, но, видимо, шпалы укладывать это вам не подносы носить, и я через секунду оказалась всё на том же пороге.

– Мама, пожалуйста…

Хлёсткая пощёчина заставила замолчать и мать сделала выбор за нас обеих. Я не слабачка, я не хочу, чтобы меня унижал единственный родной человек, но и наступать себе на горло, терпеть такое отношение, не собиралась. Я терпела, я долго терпела, я старалась быть хорошей дочерью… Да чёрт возьми, я любила свою мать! Только потому, что она моя мать. Потому что не могла иначе. Но она изменилась, она сломалась, она стала чужая, отдалилась от меня и оставаться рядом я просто не видела смысла, поэтому ушла. Тихо, молча, подобрала те вещи, которые она выставила на порог и вышла на лестничную площадку. Не знала куда идти, не знала, что делать, а быть слабой я не могла себе позволить, потому и не расплакалась – так будет лучше для всех. Вовремя вспомнила слова соседки о том, что всегда можно попробовать себя в другом месте, может, там пригожусь, и Андрею нужен простор, он очень активный ребёнок и в нашем городке малышу очень скоро станет тесно. Ему уже тесно и он знает все площадки в округе, мы ходим на все развивающие занятия, у нас и танцы и ИЗО, ещё я хочу отдать сына в спорт, чтобы умел дать отпор если что, да, решено! Мы переезжаем в другой город. Здесь нас уже ничего не держит.

Я поймала такси, поехала на вокзал и купила два билета до ближайшего крупного города. Сдала багаж в камеру хранения, заранее вытащив из бокового кармана документы, которые мать аккуратно сложила в прозрачный файл. Сняла часть денег с карточки, зная, что моя бережливость позволит выжить некоторое время, потом вернулась в город, забрала Андрюшу и забыла. Забыла всё, что меня здесь когда-то держало, что было дорого. Обидно было только за то, что больше не увижу Марата. Так я, по крайней мере, думала тогда.

В десять вечера пришёл автобус, я сидела и смотрела в окно, как меняется пейзаж, как меняется наша жизнь, Андрюша тихо посапывал на моей груди, и было хорошо, потому что рядом с ним. Потому что я никогда не стану такой, как моя мать.

Глава 4

А в это время Марат сидел и наблюдал за окнами её квартиры. Снова. Почти каждую ночь сюда приезжал, так легче было.

Первый раз её увидел и слов не нашёл, растерялся, чего прежде не случалось. Тогда по делам в городишко заскочил, и не думал искать встречи. Остался. Потому что запал. И волосы эти светлые, и глаза серо-зелёные, которые темнеют, когда она волнуется. Яркая, сочная, как для него. Марина. Милая девочка, официантка из кафе. Марат уже давно перешёл ту черту, когда за девушкой нужно было ухаживать – сами в койку прыгали, не потому что любили безумно, хотя, и такие наверно были. Чаще потому, что хотели быть поближе к теплу, уважали за силу и за то, что слово своё держит. А за красавицей хотелось ухаживать. Её хотелось баловать и на руках носить, никакой здравый смысл не помогал одуматься. Попробовал клинья подбить, а она молчит. Напряглась вся, понятно, что через одного липнут, с такой-то мордашкой. И как только в этом захолустье такой цветочек вырос? Тогда отступил, но сам себе пообещал, что вернётся. Так и получилось, только красавицы не было. День, два, неделю. Взбесился мгновенно, нужно было хозяина этой богадельни прижать, но не хотелось через силу, пошёл в обход. К одной девочке подкатил, к другой. Кто отказался, кто сделал вид, что его не понимает и подобной информации не даёт, нашлась и такая, которая за зелёную бумажку выложила всё, что знала. Обещала позвонить, как что изменится. Время шло, неделю, не меньше, бесцельно проторчал. А потом спасительный звонок. На следующий вечер сидел за тем же столиком. Знал, что её территория. Малышка узнала, улыбнулась. Не так как в прошлый раз, более естественно и, да, она была прекрасна. Длинные белокурые волосы, сияющие в свете ламп глаза, и то, как она мило смущалась – всё обезоруживало и позволяло почувствовать себя простым смертным. Заводился с одного взгляда и хотелось большего. И грудь её почувствовать, сжать, ножки на плечи себе закинуть. Только вот девочка оказалась совсем иной. Она серьёзно смотрела, каждый раз отвечала вежливо, тактично, ровно так, как и должна услужливая официантка, ни больше, ни меньше. А ему хотелось другого, поэтому и дождался её тем вечером. Куда уже тянуть, если с ума сходишь, так хочется прикоснуться.

Марина вела себя немного отстранённо, оно и понятно, проверяла, перестраховывалась, а Марату терпения не хватало. Схватить бы её в охапку и забрать с собой, а там бы и общий язык нашли, иначе и быть не может. Но опять же, не хотел пугать, настаивать, давить. Сама должна была решиться. И после каждой встречи стена между ними уменьшалась. Марина практически сдалась при первом же поцелуе. Так забавно вела себя, как в невесомости. Расслабилась, отдаваясь на его волю, и это ощущение полной власти окончательно мозги вышибло. На всё готов был, только бы согласилась стать его девушкой. Не любовницей, не подстилкой на ночь. А именно девушкой. Такой она и должна быть, такой должна быть жена. Глядя на Марину эта мысль впервые посетила голову, и впечаталась. Стереотип, закономерность: Марина – жена. Но это он радовался, а вот девочка каждый день выкидывала новые сюрпризы. В прямом смысле. В последний раз выбросила в окно его букет.

Сам тогда не пошёл, посчитал, что всё должно быть красиво, как они любят, с пафосом, с прелюдией. Отправил цветы с курьером, а сам наблюдал со стороны. Всё упало, когда открылось окно и букет полетел в лужу после вчерашнего дождя. Самолюбие взвинтилось до небес и не понятно как удалось его приглушить, как удержался и не пошёл к ней сам. А потом… потом увидел Марину на работе, как и договаривались. Увидел и обалдел. Смотрела на него дерзко, а в глазах посыл, причём далеко и надолго. Ухмыльнулся, переварил, поговорить решил. Только когда наедине остались сразу понял: разговора не получится. Чёртова принцесса оказалась с запросами. Не хочу ни тебя, ни твоих подарков, а у Марата всё внутри переворачивалось. В обычной ситуации плюнул бы и пошёл, всегда так было: не хочет эта – незаменимых нет, пойдёт

другая, да ещё и благодарна будет. Только с Мариной все правила и все тормоза отказывали. Её хотел, с ней, оттого и пригрозил. Не любил насилия, не применял его в отношении женщин, всегда считал, что где, где, а в постели всё должно быть по обоюдному согласию. А Марина сказала «нет». Сказала и сказала, что с того, а его зацепило. Не то, что отказала, а то, что она. Всегда считал слабаками тех, кто за девками бегал, но только сейчас понял, что любовь зла. Х-м, любовь, наверно она такая, особенно если безответная. Влюбился? Он? Да! Только вот не в ту. Понял, что не хочет отступать. Через принципы свои перешагнул, надеялся, что одумается. Только девочка не появилась на работе, её не было видно у подъезда. Ещё больше разозлился оттого, что прятаться вздумала. Найдёт ведь, весь город перевернёт, а найдёт! Плюнул на всё и к ней пошёл. В звонок позвонил, но никто не отвечал. Тогда ударил дверь ногой, раз, два, она и сломалась. Как только люди в таких условиях живут?.. Вошёл, на кухне видимость движения, странные звуки. Подошёл ближе: за столом с бутылкой водки и стаканом сидит женщина.

– Марина где?

Женщина лениво повернулась на грозный рык, подняла на него мутный взгляд и оскалилась.

– Что, хахель нарисовался? – К окну отвернулась. – Нет её.

– Где она?

– Свалила. Мать бросила на произвол судьбы. Вот так и расти этих неблагодарных.

– Что значит свалила? Где Марина?! – Подошёл ближе и тряханул женщину, та вроде как в себя пришла, посмотрела более осознанно.

– А ты кто?

– Дед Пихто! Марина где, я спрашиваю?

– А я знаю? Нет её. Два дня нет. Может, к мужику какому свалила…

– К какому ещё мужику?! – Тряханул её сильнее, только бы душу не вытряс, кажется, она держится в дряхлом теле на одном честном слове.

– Да к любому. Что, мало их было?

Разговаривать и дальше просто не было смысла. То, что женщина невменяемая, видно со стороны. Ты ей стакан предложи, а там и посмотрит, говорить что-либо или промолчать. Марина сбежала. Давление было ошибкой. Только искать он не захотел. Остыл вдруг, одумался. Сам не понимал, почему так вцепился, словно приворожила. А теперь знает, что рядом её нет и вроде как отпустило. Вышел из подъезда и даже оборачиваться не стал. В тот же день покинул город и больше не возвращался.

С высоты сегодняшнего полёта я понимаю где ошиблась, где оступилась, где рубила с плеча, но мало о чём жалею. Сейчас я состоялась в жизни, как мать и как педагог, но вот так, сидя перед зеркалом, глядя на своё отражение, понимаю, что мне не хватает любви. Я знала себе цену и за те семь лет, что прожила одна, без матери, могу точно сказать, что я человек, я личность, я женщина. Мне нужна ласка, мне нужна забота и, естественно, были те, кто мне эту заботу давал. Я не хваталась как утопающий за соломинку, не верила словам, поэтому сейчас независима, по-прежнему красива, мной восхищаются окружающие. Я твёрдо могу сказать, что всё то малое, что у меня есть, заработала сама, добилась, выстрадала.

Это сначала было тяжело. Нет знакомых, нет друзей, нет даже тех, на кого можно рассчитывать в трудную минуту. А в моей жизни тогда была не минута, а день за днём и ночь за ночью. Борьба. Схватка с самим собой и с окружающей действительностью. Нет работы, нет денег, но есть сын, о котором нужно заботиться, для которого, устала ты или нет, нужно время, нужно внимание. И я старалась ради него. Три работы, пятидневка в саду, перевелась в местный ВУЗ, и понемногу справлялась.

Я не была святой невинностью, только здесь поняла, что могу жить так, как хочу, и я любила мужчин. Точнее, я пыталась себя в этом убедить. Не могла строить отношения, потому

что не хотела, меня устраивал приходящий любовник, я жила для себя и сына. Никаких супов, борщей, никакой психологической поддержки, для этого были жёны и постоянные девушки. Да, меня не смущало наличие отношений с другой, меня это даже устраивало. Были любовники, которые пытались обеспечивать, были и те, которые искали выгоду, но это была другая, параллельная реальность моей жизни. Там, где я играла роль ледяной или, как говорила моя подруга, отмороженной королевы, где мне поклонялись, меня хотели, обо мне мечтали. А дома, с Андреем, я была хорошей и любящей матерью, которой для счастья больше ничего и не нужно. Вопросы о том, где наш папа не игнорировала, но старалась объяснить бережно, терпеливо, чтобы не ранить, не зарубить на корню веру в людей, в мужчин, в отцов. И сын мне верил. Он с удовольствием повторял, что у него будет самый лучший папа в мире. Потом период сладкой сказки прошёл, Андрей занялся подготовкой к школе, пошёл в первый класс и понеслась… Там уже не до отца дело стало. Я, кстати, намерено сына не устраивала к себе в школу, не хотела пересудов и сплетен. А потом и вовсе в частную гимназию работать перешла.

На сегодняшний день красивая и одинокая, я не ищу приключений и они не ищут меня. Спокойный, размеренный ритм жизни, ипотека на много лет вперёд, и надежда на светлое будущее. А это самое будущее как-то неожиданно и не очень перспективно нарисовалось на моей линии жизни. Началось всё с телефонного звонка. Как сейчас помню, был перерыв между уроками, мы с девочками пили чай в учительской, физрук спорил с трудовиком на тему футбола. Вот, меня всегда удивляло, почему даже в элитной гимназии, оба эти персонажа были такими стереотипными, словно из анекдота списанными, но это отступление. А суть вот в чём: телефонный звонок на мобильный раздался неожиданно, да и номер не знакомый. Я, при этом, едва чай на себя не пролила, так подскочила. Начала трясти сумочку, которая, на вид миниатюрная, а внутри словно бермудский треугольник и здесь никакая моя педантичность и правильность не помогает. Телефон я нашла, тут же нажала на кнопку приёма вызова и услышала тоненький такой, вежливый девичий голосок.

– Добрый день, это Марина Максимовна Соловьёва?

– Да. – Ответила я настороженно, наверно, меня что-то сразу напрягло, хотя видимых причин для тревоги не было.

– Вас беспокоит менеджер банка «Гарант инвест», вы брали у нас заём на квартиру.

– Да. – Повторила, словно попугайчик, напрягаясь всё больше от её излишней вежливости.

– Марина Максимовна, я звоню вам по поводу просрочки платежа. – И тут я поняла, что меня так напрягло: знаю ведь, что просто так не звонят, значит, случилось что-то, но виду не подала, сохраняя спокойствие.

– Я вас внимательно слушаю. – По жизни знаю, самое главное панику свою не показывать, уж ученики мои этому научили.

– Так вот, у вас задолженность за полгода. Когда вы планируете её погасить?

А когда девушка озвучила сумму задолженности, у меня и волосы на голове зашевелились. И это при том, что я исправно вносила все платежи и по опыту своей соседки, которая кредит в этом же банке брала, знаю, что они бьют во все колокола уже после одного дня просрочки. Всё было похоже на какой-то глупый розыгрыш, такую мысль, я, собственно, и озвучила.

– Девушка, вы меня разыгрываете?

– Марина Максимовна, вы ведь понимаете, что ответственности не избежать?

Услышала в ответ.

– Вы меня слышали? Я исправно оплачивала свои счета и у меня есть подтверждающие сей факт документы. Какие вопросы?

– Вот и замечательно. – Абсолютно никак не реагируя на повышенный тон по-прежнему, словно равнодушная машина, ответила девушка. – Тогда вы и подъезжайте к нам со всеми

своими документами в любое удобное время. Банк работает с восьми до семи и с девяти до шести по выходным. До встречи.

Я и попрощаться не успела, как услышала беспардонные короткие гудки. Хотела возмутиться во весь голос, раскричаться, разбросать бумаги вокруг, демонстрируя протест, только вот никому это не нужно. А мне, так в первую очередь. Я и улыбнулась коллегам, которые теперь внимательно смотрели на меня, видимо, раскрасневшуюся, и, видимо, не скоро у меня получится потушить этот внутренний пожар возмущения.

Уроки закончила через пень-колоду, только бы побыстрее. Не хотела ни слушать, ни рассказывать, поэтому и устроила внеплановую проверку знаний. Дети в шоке, их интересует вопрос как бы списать, поэтому до меня нет никакого дела, и можно спокойно порассуждать, что могло случиться. Нет, конечно, я в себе уверена. И готова дать руку на отсечение, что это какая-то системная ошибка, но нервы-то портятся вполне реально. Я с банками вообще связываться не люблю, и если бы была немного посговорчивее, квартиру свою получила бы просто так, за красивые глазки и правильные позы в постели.

Был год назад у меня мужчина. Познакомились как раз на собрании по долевому строительству. Он, как представитель власти, я, как представитель будущего жилищного кооператива. С кооперативом и его представительством я быстро завязала, а вот знакомство осталось и переросло оно в крепкую половую связь. А та, в свою очередь, в грандиозный скандал. И, в итоге, буквально за день до того как Гаврилов подписал все необходимые документы на покупку жилплощади на моё же имя, я, как полная дура, заявила, что делить с ним личные метры не намерена и вообще меня устраивает еженедельный секс без обязательств. Что тут сказать, мужское самолюбие оказалось сильнее моих заплаканных глазок. Да, да, я плакала, потому что ипотека для меня была делом малопонятным и малоизученным, а с банками связываться, как уже упомянула, не люблю. Пришлось. Кредит оформили на удивление быстро. С моей вполне приличной заработной платой, даже поручителей всего двоих искать пришлось, да и не хоромы я покупала, и накопления были. В итоге, вложилась в ремонт, ежемесячно отстёгивала банку кругленькую сумму и жила себе преспокойненько ровно до этого дня.

А после уроков, как оглашенная неслась домой, чтобы собственными глазами взглянуть, а не испарились ли чернила на квитанциях, мало ли какие сейчас технологии, вот и полгода задолженности выползло. Ворвалась в спальню, открыла ящик комода, в котором по привычке хранила все более-менее важные документы, убедилась в том, что я не верблюд и уже уверенно, с гордо поднятой головой вернулась в прихожую. Критическим взглядом осмотрела себя со стороны, поняла, что выгляжу, несмотря на спешку и повышенное внутричерепное давление, вполне себе прилично. Подправила макияж, маскируя блеск в проблемной зоне лица, из пышной копны волос сделала жёсткий высокий хвост, подкрасила губы яркой помадой, что в сочетании с малиновой блузой выглядело отпадно и была такова. А именно, пошла ставить на место зарвавшихся банкиров.

Естественно меня попросили немного посидеть, потом вышла всё та же милашка, что звонила – это я по голосу поняла, и даже удивилась, насколько этой внешности подходит подобный голос. Девушка была миленькая, небольшого росточка, хрупкая. На белой блузке широким узлом завязан шёлковый фиолетовый галстук, который оттенял голубые глаза и делал их цвет более глубоким. Девушка присела напротив, сложила руки как школьница перед собой. А я всё это время собиралась качать права.

– Марина Максимовна, какие документы на руках у вас есть? – Спросило божественное создание и улыбнулось.

– У меня на руках есть все документы. – Как заправская акула улыбнулась в ответ я и, не утруждая себя открыванием прозрачной папки, швырнула её на стол.

Что тут сказать, выдержка у девушки оказалась железной и улыбочка, которая начинала меня раздражать, не сползала с красивого личика. Внимательно изучив все мои квитки и документы по займу, девушка протянула бумаги обратно и отрицательно покачала головой.

– Это не то, что бы я хотела увидеть.

Мои глаза готовы были выпасть из орбит.

– Х-м, а мне уже начинает всё это нравиться!

– А вот мне, к сожалению, нет. Марина Максимовна, на вас висит долг на вполне приличную сумму, вы могли бы и воздержаться от сарказма.

– А это не сарказм, это суровая правда жизни. Я не понимаю, чего вы от меня хотите и какой такой долг пытаетесь повесить.

– Марина Максимовна…

– Давайте просто Марина, иначе мы до вечера не разберёмся. Конкретнее, пожалуйста. Когда, как и сколько я ещё взяла денег, чтобы образовался вот такой долг?

Тогда менеджер что-то пощёлкала на клавиатуре, с умным видом нашла нужную бумажку и распечатала её в двойном экземпляре.

– Пожалуйста.

Бумажку я взяла. Ну, то, что там были какие-то цифры, я и без экономического образования поняла, хотя математика никогда не была моим сильным местом, только вот они вырисовывали такие суммы, что я, оказывается, и озолотиться могла за их счёт, а сама сижу тут, проблему решаю. Не справедливо.

– Я не совсем понимаю, что это означает.

– Только то, что вы должны банку и что наше терпение истекло.

– Нет, нет. Девушка, это какая-то ошибка, давайте серьёзнее. Что это за долг и откуда он взялся?

– Я распечатала вам образец договора.

– Но я в нём ничего не понимаю и вы этим прекрасно пользуетесь. Давайте, – я склонилась над менеджером и потыкала пальцами в особо страшные колонки под названием «индексация» и «пеня» – объясните мне.

– Если вы не разбираетесь в бумагах, то лучше вам вернуться сюда с юристом. Потому как мы такие услуги не предоставляем.

Что ещё сказать… пытались договориться мы с девушкой долго и упорно. Несмотря на всю свою ангельскую внешность, она оказалась тем ещё бараном, ни на миллиметр не уступила. И только на вопрос о начальстве ответила чётко и громко.

– Сейчас в банке ещё можно найти главного акционера и соучредителя, господина Юрченко, только он вас не примет, потому что не занимается данными вопросами.

– Ещё чего?! – Подскочив и расправив узкую юбку, возмутилась я. – Как мне его найти?

После недолгого уламывания, менеджер всё же призналась в какую сторону идти. И после шествия на короткую дистанцию по закромам местных миллионеров, я набрела на просторную и светлую приёмную. На табличке, прибитой к двери, так и написано: Юрченко М. И. Рядом с дверью, за секретарской стойкой сидит идеальная, как кукла, девушка, с идеальным маникюром, макияжем, и идеально сидящем на ней деловым костюмом. Она вскинула на меня красивые, опять же, голубые глаза, но была слишком сосредоточена, чтобы улыбаться, поэтому просто кивнула, мол, чего тебе, болезная? Рядом с такими инопланетянками, как я называла подобных красоток, чувствовала себя всегда неуютно. И не только оттого, что те были красивее и успешнее – здесь другое. Если моя красота была естественной, натуральной, то их исключительно сделанной. Всё, вплоть до выражения лица и взгляда было наигранным, таким, как было нужно для завершения того или иного дела. Но, несмотря на неприязнь к подобным особам и вообще неприятной, критической ситуации, взять себя в руки я всё же смогла и посмотрела на секретаря не менее выразительно и та изволила, мяукнула.

– Вы что-то хотели?

– Нет, постоять пришла, на вас посмотреть. – Сыронизировала неудачно, потому что после этих слов секретарь хмыкнула и вернулась к своему занятию.

– Я бы хотела видеть Юрченко М. И. – Прежде чем сообщить о цели визита, кинула дополнительный взгляд на табличку, чтобы ничего не перепутать. Так и чувствовала себя уверенней, и вообще.

– По какому вопросу?

– Исключительно по рабочему.

– По рабочим вопросам он принимает в вторник и четверг с трёх до пяти..

– Значит, по личному. – Не успокаивалась я и с каждой фразой приближалась к белокурой особе всё ближе. Вот, правду говорят, с такими секретаршами и жён не нужно: два в одном, и сотрудница отличная, и любовница.

– А по личным вопросам он не принимает вообще. Девушка, вы хоть понимаете, куда пришли?

– Конечно, понимаю, я пришла к бандитам, которые пытаются развести меня на деньги. Только предупреждаю сразу, вам это не удастся! И чем скорее я переговорю с вашим начальством, тем скорее мы избавимся друг от друга.

Я совсем не ожидала, что эта особа вместо своего шефа вызовет охрану, но тут мне повезло, в соседнем зале были клиенты и на боевой клич сбежались бы люди, поэтому от меня отступили, не успев утихомирить.

– Кто пустил сюда эту истеричку? Почему вы не можете с ней справиться? – Возмущалась секретарская крыса, а вот парни, видно, будучи на моей стороне, её не поддержали.

Если совсем уж кратко, то девушку я уломала, и пусть на это ушло два часа, но она сдалась. Не сама, конечно, шеф кофе попросил я и намекнула замолвить за меня словечко. Что она ему сказала и как, я не расслышала, но то, как шеф её кричал, запомнила надолго, даже у меня в ушах звенело.

– Какого хрена? Здесь вообще кроме меня кто-нибудь работает? В шею гони всех! К Власову её, он должниками занимается!

– Власов на выезде.

– Тогда к Ольге Петровне!

– Дама только что от неё.

Рык, который издал большой начальник просто кричал о том, что тот готов сдаться и упускать такого момента я не собиралась, шагнула в кабинет сама, с разбегу швыряя на стол свою папку. Пока в кресле устраивалась, удобном, надо отметить, кресле, в кабинете воцарилась тишина. А после коротких гляделок, во время которых я думала, краснеть мне, по-привычке, или нет, ведь передо мной сидел Марат, тот самый, смотрел и свирепел на глазах, но покраснеть не успела.

– Да вы ох**ли! – Рявкнул он на всю мощь холёной глотки, рубанул ладонью по столу так, что всё на нём подпрыгнуло, а листы разлетелись, и уставился на меня нечитаемым взглядом.

Глава 5

Я-то его сразу узнала, не знаю… не изменился совсем. Только расправился в плечах, щёки отъел, более представительный, что ли, стал. Надо же, главный акционер… Только вот Марат смотрел на меня отнюдь не как на старую знакомую. Он прищурился, ожидая моей реакции, паники там, страха, трусливого бегства, но не на ту нарвался. У меня директор в гимназии и пострашнее кричит, поэтому только спину выпрямила и так же взглядом в него упёрлась, даже брови немного приподняла, демонстрируя полный пофигизм на чужие нервы. И Марат сдался, откинулся на кресле, продолжая меня изучать, присмотрелся. Я уж думала, признал знакомые черты, ведь и сама не особо изменилась, но сколько таких Марин было у него?..

– Итак, я вас слушаю. – Развёл он руками, словно это я тут резину тяну, во взгляде сарказм и издёвка. Он сильнее, это и демонстрирует.

– Это я вас слушаю. Из вашего банка мне позвонили и сообщили о задолженности за полгода.

– За полгода? – Едва ли не присвистнул он, видимо, и сам не ожидал, оттого и вперёд наклонился, слушая уже внимательнее.

– Да. Но я при этом никаких дополнительных сумм не брала, а плачу по заранее рассчитанному плану. Ваши же специалисты и рассчитывали. После звонка одного из специалистов по кредитованию, пришла, а она мне тычет каким-то документом, в котором я ничего не понимаю.

– Незнание законов не освобождает от ответственности. – Сумничал он.

– Собственный опыт? – Подметила я, взглядом выжигая татуировку, которая едва виднелась из-под манжета рубашки.

Юрченко М. И. за взглядом моим проследил, ухмыльнулся и манжет поправил.

– Большой жизненный опыт.

Тут он почему-то посмотрел на секретаря, а та подсуетилась, раскрыла бумаги, которые до этого лежали и не пользовались спросом, и с гордостью, словно собачонка перед хозяином за принесённую палочку, отчиталась:

– Марина Максимовна Соловьёва.

Я тут же завистью залилась, мне бы в гимназии так: надо же, с одного взгляда всё поняла, чудеса дрессировки, но было не до этого.

– Марина Максимовна, – послушно повторил Юрченко М. И., – к сожалению, а, может быть, и к счастью, – он выразительно посмотрел на меня с уже нескрываемой издёвкой, – но я этими вопросами не занимаюсь. У нас есть руководитель отдела кредитования, есть толпа менеджеров, которые объяснят вам всё «от» и «до». Чего вы хотите от меня?

– От вас я вообще ничего не хочу. Оставьте меня в покое!

Возмутилась, потому что показалось, что он смотрел на меня так, как и прежде, раздевая взглядом. Даже рука машинально к пуговице блузки потянулась, чтобы застегнуть её. Я вовремя себя одёрнула, а Марат пакостно оскалился, правильно расценив этот жест. На секунду выпал из реальности и взгляд стал стеклянным, в следующую секунду его челюсти сжались, а щёки покраснели от напряжения.

– Документы мне по кредитной линии Соловьёвой. Срочно.

Тут уже краснеть был мой черёд и не знаю, отчего мой организм так на него реагирует? Сначала мне казалось, что такая реакция будет и на других мужчин, но нет. Я могла сидеть перед ними голая или находится в откровенной позе и было всё равно, потому что мы на равных, а здесь… Здесь, даже напялив летом шубу, чувствовала бы себя голой, настолько жадный, голодный взгляд блуждал по телу. Мы в кабинете находились вдвоём, Юрченко М. И. ситуа-

цией откровенно наслаждался. Я тоже не показывала свою неловкость, но и сидеть с каменной от напряжения спиной больше не могла. Только вот пошевелиться лишний раз боялась, да и юбка слишком узкая и короткая, чтобы сейчас обе ноги на пол поставить. Взгляд на себя опустила и поняла, что ещё чуть чуть и кружево чулок откроется всеобщему обозрению, снова покраснела… будь проклята эта кожа! А он каждое мимолётное движение ловил, упивался им и моей неловкостью.

– Марат Игнатьевич, вот все документы.

Прервала эту паутину секретарь и раскинула перед ним папку на нужной странице. Оказалось, что там целое дело. Что, как и почему. Сейчас Марату было не до меня. Он внимательно изучал документы, изредка вытаскивая из файлов нужные и откладывая их в сторону. Включил компьютер, там выудил ещё пару нужных файлов, снова распечатал. Я уже боялась, что, как и девушка-Дюймовочка, будет показывать мне цифры, но нет, он распечатал листы исключительно для себя, их прочтением и изучением, занялся. Лицо сосредоточенное, серьёзное, пальцы не дрожат и не теребят листы бумаги. Уверенность сквозит от каждого движения, от каждого вздоха и каждого взгляда ненароком направленного на меня. Он молчал, а я, надеясь, что недоразумение уладится, терпеливо ожидала извинений. Только вот их не последовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.